

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ ред.
СВ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СВ. Кавалергардская ул., д. 55, кв. 17, а также въ книж. маг., Вольфа, Нев., Гостин. дв. № 18. Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ Редакціи газеты «Сибирь». Въ Омскѣ—въ книжн. магазинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Областная пресса и ея самосознаніе.—Судебная реформа въ Туркестанѣ.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Томска, Тобольска, Тюмени, Иркутска, Якутска и Ачинска.—Крестьянскій кризисъ (письмо въ редакцію изъ западной Сибири). N.—Первыя впечатлѣнія въ Пекинѣ (экспедиція Г. Н. Потанина).—На желѣзной дорогѣ (фельетонъ). Добродушно Сибиряка.—Хроника жизни за недѣлю.—Библиографія.—Объявленія.

ОБЛАСТНАЯ ПРЕССА И ЕЯ САМОСОЗНАНІЕ.

Жизнь области и провинціи не могла оставаться въ продолженіе столѣтій и десятилѣтій на одномъ мѣстѣ. Русская провинція также захотѣла жить и мыслить. Лѣтъ двадцать пять назадъ стало уже замѣчаться въ провинціи самосознаніе и не могло не выразиться путемъ попытокъ и стремленій создать свое печатное слово. Сначала эти попытки были робки и едва замѣтны. Столичной окрѣпшей печати часто приходилось къ нимъ относиться довольно высокомерно и строго, какъ къ дѣтскому лепету. Но и въ это время, т. е. лѣтъ десять, пятнадцать назадъ, нельзя было игнорировать появленіе повсюду нарождающихся провинціальныхъ органовъ, какъ бы они ни были сначала мелки. Это былъ всетаки важный шагъ въ исторической жизни общества. Начинались „роды провинціальной мысли“, только немногіе замѣтили ихъ и оцѣнили. По поводу значенія провинціальной прессы произошло даже разногласіе въ столичной печати, о которомъ мы теперь не будемъ вспоминать.

Какъ бы мало ни придавалось значенія этой мелкой провинціальной прессѣ, какъ бы ни было невысоко на самомъ дѣлѣ литературное достоинство мѣстныхъ газетъ, но онѣ имѣли массовое вліяніе и немалое значеніе. Число ихъ все росло, и скоро онѣ, такъ сказать, усеяли провинцію, такъ что число ихъ мы не беремся даже опредѣлить, за неимѣніемъ подробныхъ объ этомъ библиографическихъ свѣдѣній. Многія изъ провинціальныхъ изданій потухаютъ, но многія и зарождаются. При всемъ этомъ всетаки органовъ этихъ недостаточно, принимая во вниманіе количество провинцій, массу раіоновъ, гдѣ мѣстная печать еще не зарождалась (укажемъ весь сѣверъ Россіи съ Архангельской губ.), ничтожно число ихъ и въ отношеніи къ числу населенія имперіи, въ 90 милліоновъ жителей. Но тѣмъ не менѣе работа ихъ и въ настоящемъ видѣ не можетъ быть обойдена молчаніемъ. Они всетаки поднимаются до общихъ вопросовъ, удовлетворяютъ обыденной потребности и пробуждаютъ умственную жизнь общества. Не отнимая значенія у столичной печати мы должны признать, что безъ нихъ дѣятельность печат-

наго слова и вліяніе его на развитіе общества во много разъ были бы слабѣе. Они питаютъ массу читателей своими извѣстіями, расширяютъ кругъ ихъ и затрогиваютъ массу мелкихъ, но настоятельныхъ нуждъ, въ которыя вникнуть центральная печать не можетъ. Всякій пишущій и мыслящій человекъ, всѣ, кто дорожить умственной жизнью Россіи, самосознаніемъ общества, не можетъ не видѣть въ областной печати союзника и друга народнаго преуспеянія. Писатель и честный гражданинъ не могутъ не желать успѣховъ и расширенія печатной областной дѣятельности, которой само правительство положило начало. Въ дни унынія за судьбы русской печати друзьямъ литературы не мѣшаетъ вспомнить и не нужно забывать, что печатное слово всетаки довольно глубоко проникло уже въ вѣдра провинціи и стало потребностью общества, что въ провинціи есть пока не богатый талантами, но честный помощникъ.

Мы далеки предсказывать будущность этой печати въ русской жизни. Не будемъ задаваться иллюзіями, что областная печать, децентрализуя и дифференцируя печатную дѣятельность, удовлетворяя ближе массѣ въ области ея мѣстныхъ нуждъ, замѣнитъ столичную печать. Мы знаемъ, что въ силу историческихъ условій столичная печать будетъ очень долго пользоваться своимъ преобладаніемъ. Мы знаемъ, наконецъ, исключительное положеніе мѣстной печати и слышимъ ея жалобы, знаемъ также бѣдность ея литературныхъ силъ пока. Множество провинціальныхъ органовъ еще не доросло до пониманія своей роли и, силясь подражать большой столичной прессѣ, трактуя о Бисмаркѣ и Гладстонѣ, упускаетъ изъ виду тѣ областные вопросы, которые могли составить силу этихъ органовъ печати. Если бы мы захотѣли разбирать недостатки областныхъ газетъ, мы ихъ нашли бы немало, но это не мѣшаетъ намъ оставаться друзьями и товарищами областной печати и областного возрожденія.

Но констатируя фактъ появленія областной печати, мы хотимъ отмѣтить не одно количественное умноженіе печатныхъ органовъ; мы имѣемъ уже свидѣтельства, что эга печать начинаетъ сознавать свои задачи и вносить свою самобытную идею. Сказать это намъ даетъ поводъ profession de foi одной изъ

возникающихъ областныхъ газетъ, которая, преобразаясь въ ежедневную газету, сочла необходимымъ выразить слѣдующій взглядъ.

„Въ жизни страны, говоритъ эта газета, главный факторъ — народъ, духъ народный, создающій жизнь; жизнь страны — жизнь народная. Но есть еще начало, о которомъ заговорили не особенно давно и на которое какъ публика, такъ и литература обращали мало вниманія. Это начало провинціализма, областности въ жизни нашего отечества, начало такой серьезной важности, отъ незнанія или пренебреженія которымъ возможны большія ошибки и неудачи.

Вся исторія нашего отечества исторія областей, характеристическія черты которыхъ проглядываютъ во всемъ: и въ первоначальномъ, чисто-народномъ самоуправленіи каждой изъ областныхъ общинъ, и въ общемъ стремленіи послѣднихъ къ особенностямъ, и въ областномъ вѣчовомъ самоуправленіи, и, наконецъ, въ мѣстно-удѣльной междоусобной борьбѣ областныхъ общинъ. Областные общины были весьма различны между собою въ отношеніи этнографической организаціи и составности, имѣли нѣкоторыя отличительныя особенности и въ духовно-правственномъ, и материально-бытовомъ характерѣ населенія. Каждая областная община хотя чѣмъ нибудь да отличалась отъ другихъ даже сосѣднихъ съ нею общинъ. Мѣстное же областное начало жизненно выражалось постоянно и въ послѣдствіи. Такъ, даже въ 17 в. оно скрывалось во многомъ: и въ этихъ челобитныхъ, подававшихся областными выборными ходаками отъ цѣлыхъ общинъ,—въ челобитныхъ, которыя свидѣтельствовали о существованіи областной инициативы, и въ участіи мѣстныхъ общинъ на земскихъ сборахъ, и во многихъ разнообразныхъ областныхъ событіяхъ. Области попрежнему продолжали называться землями, государствами, царствами и т. п. Духъ прежней особенности, самораспорядительности былъ попрежнему живъ въ населеніи и постоянно проявлялся во всѣхъ его стремленіяхъ. Съ XVIII вѣка соединенныя областныя общины преобразовываются въ однообразную форму губерній и провинцій. Мѣстная самостоятельность и самоуправленіе ихъ централизуются, и, не смотря на это, не должно терять изъ вида положенной въ основу нашей жизни областности. Если въ эпоху централизаціи области не обнаружили энергической, прогрессивной самостоятельности и жизненнаго саморазвитія, то все-таки мы не можемъ заключить, чтобы онѣ заснули на вѣки и отреклись отъ самихъ себя, отреклись отъ того, что всегда составляло сущность ихъ, весь ихъ характеръ. Даря областямъ (губерніямъ и уѣздамъ) самоуправленіе, правительство отвѣчало именно этой идеѣ, выказавъ тѣмъ мудрое ея познаніе и сочувствіе къ ней. Безъ сомнѣнія, эти вновь дарованныя учрежденія — земскія, крестьянскія и городовыя управленія — оказали немалое содѣйствіе къ пробужденію областной жизни и старинныхъ стремленій общинъ къ удовлетворенію своихъ нуждъ собственными усиліями.

Если мы признаемъ нашу провинціальную жизнь, мы должны признать и провинціальную литературу, такъ какъ литература есть порожденіе жизни. Если мы придаемъ серьезное значеніе областной жизни нашего отечества, ожидая отъ развитія ея всякаго преуспѣянія страны, то мы не мо-

жемъ не придать серьезнаго значенія и областной литературѣ, какъ выразительницѣ жизни. Наша газета возникаетъ именно съ идеею областности, провинціализма въ русской жизни извѣстной области, выразительницею ея нуждъ, интересовъ и надеждъ. Мы надѣемся, что газета наша будетъ органомъ общественной и промышленной жизни нашего края“.

Такъ говорятъ преобразующіяся Астраханскія Губернскія Вѣдомости.

Эти мысли заставляютъ подписаться подъ ними и другую провинціальную газету, цитирующую эти слова (см. „Заря“ № 152). Мы не знаемъ, удержится ли астраханская газета на высотѣ той задачи, которую она проповѣдуетъ, не знаетъ, на сколько удастся ей это. Мысли, высказанныя ею, не въ первый разъ появляются и выражались друзьями областного направленія. Нѣтъ, мы констатируемъ лишь фактъ, обнаруживающій, что эта идея областного служенія проникла почти всѣ провинціальныя органы до тѣхъ, что каждый изъ нихъ, начиная свою дѣятельность, излагаетъ тѣже мысли, вѣритъ глубоко въ свое призваніе и задатки провинціальной печати въ русской исторіи. Ротъ это начало самосознанія, проявляемое областными органами, и знаменательно въ данную минуту.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Въ числѣ реформъ, намѣченныхъ сенаторомъ Гирсомъ, ревизовавшимъ въ прошломъ году Туркестанскій край, по словамъ „Русскаго Курьера“ (№ 189), „предполагается также преобразование народнаго суда кадівъ“, сохранившагося до сихъ поръ въ духѣ народной власти. Упомянутая газета, передавая сущность этого проекта, говоритъ, что „реформа эта коснется главнымъ образомъ того порядка вещей въ дѣлѣ судопроизводства кадівъ, который исходитъ всецѣло изъ религіозныхъ обычаевъ страны и представляетъ собою полный анахронизмъ дикихъ предразсудковъ, уже утратившихъ теперь всякое значеніе. Первоначально, по приводимому газетою проекту, имѣется въ виду постановить новый законъ для суда кадівъ на тѣхъ же принципахъ народнаго духа или бытоваго права азіатовъ, но съ допущеніемъ вмѣшательства въ него русской власти (которая до сихъ поръ была безправна въ народномъ судѣ племени) и предоставленія ей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ, какъ власти апелляціонной или кассационной въ лицѣ генераль-губернатора туркестанскаго“.

Вопросъ суда для инородцевъ—весьма важный вопросъ. Мы не знаемъ, какъ онъ рѣшается чиновниками въ Туркестанѣ, но имѣемъ понятіе о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя здѣсь встрѣчались. Обычный судъ инородцевъ, исходящій изъ ихъ исторической жизни, обычаевъ, правовъ, столкнулся, конечно, съ новымъ русскимъ режимомъ и русскими воззрѣніями. Мало того, край находился на положеніи военномъ, причѣмъ мѣстные обычаи весьма мало уважались. Ясно, что здѣсь столкнулось два элемента, двѣ національности и два противоположныхъ воззрѣнія—съ одной стороны, туземное, обусловленное вѣрованіями, съ другой стороны, воззрѣніе руссификаторовъ и антагонистовъ всего азіатскаго, которымъ желательно бы уничтожить и умалить вліяніе

азиатскаго элемента. Послѣдствіемъ этого явился извѣстный антагонизмъ и замѣшательство.

Прежній обычный народный судъ потерялъ значеніе, но и новыя формы русскаго суда въ сферѣ, напримѣръ, дѣлъ гражданскихъ и при разбирательствѣ многихъ споровъ убѣдными начальниками далеко не были удовлетворительны. Множество вопросовъ приходилось рѣшать не суду, а военной администраціи. Что касается областныхъ судовъ, то эти суды, со старыми формами и прежнимъ бумажнымъ судопроизводствомъ, страдали и страдаютъ на окраинѣ такими недостатками, что ихъ не могли не чувствовать туземцы. Надо прибавить къ этому взаимное непониманіе и, кромѣ того, вмѣшательство переводчиковъ, наконецъ, различные соблазны при рѣшеніи туземныхъ дѣлъ. Извѣстно, напр., участіе въ рѣшеніи гражданскихъ исковъ по поводу земель туземцевъ цѣлой партіи во время управленія краемъ генерала Кауфмана и продѣлки Савенкова и к^о, сосланныхъ за злоупотребленія въ Восточную Сибирь. Прибавьте къ этому безправіе и запуганность туркестанскихъ инородцевъ, и вы поймете, что здѣсь недостатки въ судѣ были взаимныя. Пока Туркестанъ не зналъ новаго праваго, гласнаго, милостиваго суда, не могъ онъ испытать и весь гуманизмъ европейскихъ воззрѣній, до этого еще далеко ему. За то онъ испыталъ старый такъ называемый „подьяческій судъ“. Чтобы понимать образъ жизни туземцевъ, ихъ интересы, взаимныя отношенія, надо было ихъ изучить, а на сколько обладали такимъ знаніемъ заѣзжіе чиновники, мѣтившіе часто на прогоны и на карьеру, предоставляемъ судить знающимъ туркестанскихъ служащихъ.

Во всякомъ случаѣ, установленіе юридическихъ отношеній къ туземцамъ и критика ихъ суда должны требовать огромной подготовки и изученія. Мы знаемъ, что прежде, чѣмъ рѣшить формы суда и управленія среди инородцевъ въ Сибири, одинъ изъ талантливыхъ кодификаторовъ, Сперанскій, распорядился затребовать свѣдѣнія по обычному праву инородцевъ и составить сводъ законовъ ихъ. Есть ли какіе-нибудь подобныя матеріалы, сборники въ Туркестанѣ, издано ли что у насъ по обычному праву туркестанскихъ туземцевъ, мы не знаемъ. Но такой матеріалъ, намъ кажется, необходимъ прежде всего, чтобы не надѣлать ошибокъ, измѣняя мѣстные порядки разбирательства и обычай. Судъ—великая вещь, онъ требуетъ безусловной справедливости. Имъ будетъ измѣряться наше отношеніе къ туземцамъ и наша правда. Для поддержанія чести русскаго имени, онъ долженъ быть безпристрастенъ и безукоризненъ. Поэтому, намъ кажется, надобно желать „вмѣшательства русской власти“, какъ сказано въ проектѣ, только на однихъ условіяхъ регулированія справедливыхъ и нелицеприятныхъ отношеній въ отпращиваніи туземнаго правосудія.

ХРОНИКА.

«Русскому Курьеру» (№ 228) пишутъ изъ Тюмени: «Количество переселенцевъ за іюль гораздо меньше прошлаго мѣсяца, однако комитетомъ истрчено на нихъ больше прошлыхъ мѣсяцевъ, такъ какъ за счетъ комитета посажено на пароходы на 125 руб. Наибольшее количество двигались за этотъ мѣсяць изъ Вятской губ., большею частью—перекатная голь».

Въ числѣ переселенцевъ была одна интересная женщина, переселяющаяся въ Томскую губ., Варооломѣва, которая пробиравась Христовымъ именемъ, а между тѣмъ, какъ оказалось, у нея были защиты 2,000 руб. въ платѣ».

«Русскимъ Вѣдомостямъ» пишутъ отъ туда же: «Движеніе переселенцевъ за іюль отличалось малочисленностію. Это явленіе замѣчается впрочемъ ежегодно и объясняется страдой. Всѣхъ переселенцевъ, вошедшихъ черезъ Тюмень въ Западную Сибирь за этотъ мѣсяць, было 605 чел.—взрослыхъ 421, дѣтей 184. За этотъ мѣсяць двигалось очень много бѣдниковъ, которыхъ главнымъ образомъ доставляла Вятская губ. Многие изъ переселенцевъ этой губерніи знаютъ какое нибудь ремесло, но тѣмъ не менѣе большая часть изъ нихъ—перекатная голь».

Переселенческое движеніе по Оренбургской жел. дор. въ нынѣшнемъ году, по словамъ Самарской газеты, было незначительное: съ половины мая по 5 іюня изъ Батраковъ къ Оренбургу перевезено не болѣе 2,000 взрослыхъ и до 1,000 дѣтей при 600 лошадей и повозокъ; выручено за перевозку со скидкой 75%—300 р. 25 к. Немало обозовъ слѣдовало на лошадяхъ групповой дорогой, пользуясь ж. д. лишь при перевозахъ—съ Батраковъ до Обшаровки и съ Липяговъ и Кряжа до Самары.

Командированный министромъ чиновникъ П. П. Архиповъ, по переселенческому дѣлу въ Тобольской губ., находится пока въ Тюмени, такъ какъ въ Тобольскѣ дѣлать нечего, а все сосредоточено въ Тюмени, ибо переселенцы здѣсь останавливаются и проводятъ всегда нѣсколько дней.

Недавно, какъ сообщаютъ «Новостямъ», при комитетѣ владивостокскаго благотворительнаго общества, съ разрѣшенія высшаго начальства, открыто «Временное отдѣленіе для оказанія помощи переселенцамъ въ Южно-Уссурійскій край». Отдѣленію этому, какъ по изысканію средствъ, такъ и по оказанію пособій переселенцамъ, предоставляется самостоятельное и независимое отъ благотворительнаго общества положеніе.

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ изъ Оренбурга: «Экспедиція члена Императ. географ. общества, г. Нефедова, увѣнчалась раскопкою нѣсколькихъ кургановъ, гдѣ найдены вещи аборигеновъ края. Вслѣдъ затѣмъ сопутствующій г. Нефедову мѣстный фотографъ, г. Фишеръ, раскопалъ самостоятельно до 50 кургановъ съ болѣе или менѣе удовлетворительными результатами, съ затратою поразительно малой суммы—60 р., что достаточно свидѣтельствуетъ о дешевизнѣ изслѣдованій и навѣрно послужитъ на будущее время приманкой археологамъ. Но нельзя не замѣтить, что всѣ археологическія изслѣдованія, происходившія въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ значительныхъ размѣрахъ страдаютъ отъ недостаточности предварительнаго опыта. По замѣчанію одного члена отдѣленія здѣшняго географическаго общества, многія раскопки совершенно потеряны для науки».

Примѣчаніе это поучительно для Сибири, гдѣ часто копаются въ курганахъ люди, не понимающіе ничего въ наукѣ. Такъ недавно еще заявлялось, что около Тобольска и Ялutorовска одинъ невѣжда напортилъ немало кургановъ».

Газета «Сибирь» сообщаетъ, что управляющій кяхтинскимъ пароходствомъ, г. Ивельскій, принесъ въ даръ иркутскому отдѣлу географическаго общества вырытый изъ ямы у Листвничной пристани, на берегу Байкала, большой камень, покрытый надписями и изображеніями, повидимому, глубокой древности. Въ той же ямѣ находятся и другіе такіе же камни.

Не разъ мы заявляли по поводу маніи изслѣдовать сѣверные проходы и губы, что въ виду затруднительности здѣсь торговаго сообщенія это напрасная трата денегъ и излишняя роскошь для

Сибири въ данную минуту, особенно когда эти экспедиціи большею частью бывають неудачны. Теперь мы читаемъ въ «Новостяхъ»: «ислѣдованіе устьевъ рѣкъ Оби и Енисея, за дороговизной снаряженія экспедиціи (она обошлась бы около 50,000 руб.), предполагается отложить до 1886 года или даже 1887 года».

За то, что мы относимся безъ должнаго уваженія къ подпискамъ на этотъ предметъ и указываемъ болѣе настоятельныя нужды для края, мы получили упреки и неприятели. Теперь намъ остается занести пріятное извѣстіе, что и министерство финансовъ держится нашего же взгляда.

Сибирскіе города и села несутъ массу повинностей вслѣдствіе ссылки. Въ числѣ ихъ играетъ видную роль содержаніе тюремныхъ замковъ. Сибирскіе города не разъ возбуждали вопросы по этому предмету. Намъ пишутъ, что иркутская дума въ одномъ изъ своихъ засѣданій постановила приговоръ о ходатайствѣ предъ правительствомъ помочь городу освѣщать и отоплять иркутскій тюремный замокъ, что городу обходится болѣе 8,000 р. ежегодно, а казна отпускаетъ только десятую часть этой суммы. Притомъ оказалось, что городъ освѣщаетъ и отопляетъ и иркутскую пересыльную тюрьму, что вовсе не возложено городовымъ положеніемъ на городъ; оказалось, что это незаконіе думой уже давно было обнаружено, и назначена нѣсколько лѣтъ тому назадъ коммиссія для осмотра печей тюремъ, но администрація не пустила коммиссію осмотрѣть тюрьму, и дѣло осталось «въ окончательномъ положеніи». Теперь дума поручила управѣ снова поднять этотъ вопросъ, причемъ существованіе въ Иркутскѣ пересыльной тюрьмы, отопляемой и освѣщаемой городомъ, подтвердилъ одинъ гласный-директоръ мѣстнаго тюремнаго комитета и всѣ другіе гласные.

«Русскому Курьеру» (№ 218) пишутъ изъ Томска слѣдующее: «Недавно еще противъ редактора издающейся здѣсь «Сибирской Газеты», г. Адрианова, намѣрена была возбудить преслѣдованіе томская городская дума за то, что, будто бы, въ одномъ изъ фельетоновъ, помѣщенныхъ въ газетѣ, оскорбленъ весь городъ — всѣ жители, въ лицѣ городского головы. Теперь противъ редактора «Сибирской Газеты» возбудило преслѣдованіе адѣйшее городское полицейское управленіе за неоднократныя, якобы, оскорбленія, наносимыя въ газетѣ разнымъ полицейскимъ чинамъ. О возбужденіи преслѣдованія составлено уже полиціею постановленіе, просмотрѣно стряпчимъ и слѣдствіе по этому обвиненію возложено полиціею на слѣдственнаго пристава Рознатовскаго. Главнымъ пунктомъ обвиненія, предъявленнаго полиціею къ редактору «Сибирской Газеты», является ложность сообщеній газеты о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ полицейскихъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей. Такъ, «Сибирская Газета» въ одномъ изъ нумеровъ помѣстила замѣтку о томъ, что квартальный надзиратель (помощникъ полицейскаго пристава) Соинъ дозволяетъ иногда прибѣгать къ кулачной расправѣ съ задержанными, по какимъ либо причинамъ, лицами. Полиція находитъ это сообщеніе газеты ложнымъ».

Въ другой корреспонденціи той же газеты изъ Томска передается слѣдующій случай. «Ведутъ на этихъ дняхъ душевно-больныхъ изъ больницы купаться на рѣку Томь. Съ нѣсколькими людьми больными — одинъ провожатый, и вотъ одинъ изъ упомянутыхъ нѣкто Лавровъ (отставной чиновникъ, служившій до болѣзни помощникомъ исправника и затѣмъ волостнымъ писаремъ и на послѣдней должности растратившій болѣе 1,000 р. общественныхъ денегъ) исчезъ безслѣдно, и всѣ розыски его по настоящее время не привели ни къ чему. Можетъ быть, Лавровъ утонулъ, а можетъ быть и скрылся; такъ какъ помѣщенъ онъ былъ въ больницу на испытаніе и возможно, что и не былъ вовсе сумасшедшимъ, а лишь прикинулся таковымъ, чтобы избѣжать грозившей ему отвѣтственности за растрату, разсчитывая, что его мнимое сумасшествіе будетъ обнаружено врачами, предпочелъ заблаговременно исчезнуть»...

Той же газетѣ изъ Томска же пишутъ «о значительномъ числѣ несостоятельности въ торговомъ мірѣ этого города. Въ минувшемъ и въ нынѣшнемъ году банкротства купцевъ такъ и слѣдовали одно за другимъ; но изъ несостоятельныхъ должниковъ были заключены подъ стражу до сихъ поръ только двое. Другіе несостоятельные оставались на свободѣ или по желанію кредиторовъ ихъ, или потому, что успѣвали скрыться. Особенно ловко дѣйствовалъ должникъ бывший купецъ М. Переведъ имущество передъ своей несостоятельностью на имя разныхъ родственниковъ, онъ самъ переселился изъ Томска въ одну изъ окрестныхъ деревень и долгое время скрывался тамъ. Напрасно кредиторы заявляли полиціи о мѣстѣ нахожденія должника М., — его не оказывалось, будто, въ округѣ; но на этихъ дняхъ, запасшись предписаніемъ объ арестѣ, отправился розыскивать М. довѣренный сибирскаго банка, должникомъ котораго на солидную сумму состоитъ М. И неизвѣстно гдѣ находившійся М. былъ найденъ въ деревнѣ жившимъ въ хорошемъ домикѣ, обставленномъ весьма комфортабельно. Теперь М. заключенъ въ тюрьму. Говорятъ, при арестѣ онъ предлагалъ довѣренному банку 500 руб., чтобы тотъ не бралъ его, но 500 р. эти, увы! не были приняты... Г. М. объявленъ несостоятельнымъ на значительную сумму; на удовлетвореніе долговъ — имущества почти нѣтъ; но кредиторы его надѣются, что теперь, съ арестованіемъ М., найдутся и средства на погашеніе ихъ претензій».

Насъ спрашиваютъ: «отчего воспитанники иркутской военной гимназіи живутъ въ Олхѣ, за 20 верстъ отъ города, а училищный докторъ проживаетъ въ Иркутскѣ?»

Не знаемъ, вѣроятно, въ Иркутскѣ ему пріятнѣе.

Изъ Иркутска сообщаютъ: «Одна дѣвушка, получившая нѣкоторое образованіе, была отдана ея матерью въ домъ терпимости, по русиновской улицѣ, д. Раздай-Бѣды; по такое насиліе, естественно, возмущало нравственное чувство дѣвушки, и она отравилась фосфоромъ, о чемъ и составленъ надлежащій актъ».

Намъ доставленъ слѣдующія свѣдѣнія о бюджетѣ одного горнаго исправника въ сѣверной тайгѣ: вмѣсто положенной по 1917 ст. VП. т. кн. III и 2115 ст. VI т. I ч. свода зак. изд. 1857 готовой квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, исправникъ Ф. обложилъ золотопромышленниковъ повинностью по 1 р. 20 к. съ каждаго рабочаго, что составляетъ при 4062 рабочихъ 4874 р. 40 к., — это въ операціонное время, да осенью по 1 р. съ человѣка — 4062 р.; за выписку паспортовъ по 2 р. съ билета, а съ 1200 паспортовъ — 2400 р., итого съ 1000 р. казенныхъ составитъ 12,335 р. 40 к. Если допустить, что издержано 8 т. р., чистаго барыша остается 4,335 р. 40 к. Недурно!

Одного голову въ одномъ маленькомъ сибирскомъ городкѣ весьма недавно одинъ гласный, маляръ, уличилъ въ думѣ при всѣхъ въ самомъ нахальномъ мошенничествѣ и публично назвалъ въ думѣ «общественнымъ воромъ». Голова, какъ говорится, съѣлъ и утерся, и все пошло попрежнему.

ШОКОЛАДЪ-РЕТАБЛІЕРЪ НА АМУРЬ.

Изъ Хабаровки доносится къ намъ слѣдующій вопль. Г. Штуммеръ въ Москвѣ оболестилъ своимъ шоколадомъ и Амурь. Этотъ г. Штуммеръ разсылаетъ громкія рекламы о шоколадѣ-ретаблѣерѣ, предлагая выслать за 18 рубл. 15 фунтовъ шоколада и машинку. Медицинскія свойства шоколада-ретаблѣеръ рекомендуются особой брошюрой и 13,600 русскихъ свидѣтельствъ. Соблазнились амурцы. Но представьте удивленіе ихъ, когда на почтѣ получено было 15 баночекъ, каждая въ 20 лотовъ, а всего 11 фунтовъ даже съ укупоркой, машинки же для приготовленія совсѣмъ не оказалось. Не сладокъ пришелся московскій шоколадъ на Амурь. Въ обличеніе этой спекуляціи намъ прислано и полицейское свидѣтельство о вскрытіи шоколада.

Кто же велитъ амурцамъ вѣрить пышнымъ рекламамъ моковскихъ спекуляторовъ; Ирбитъ и Нижній хорошо ихъ знаютъ. А впрочемъ есть положеніе и еще неутѣшительнѣе. Тутъ только дѣло въ шоколадѣ, а у иныхъ такъ и щей не хватаетъ!

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Томскъ (корресп. „Восточ. Обозр.“). Отпразднована у насъ вторая годовщина общества попеченія о начальномъ образованіи. Молебень отслуженъ былъ преосвященнымъ Владиміромъ. День былъ чудный, площадь, гдѣ происходило молебствіе, была покрыта народомъ. Присутствовалъ губернаторъ и другое начальство.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ открыто 25 іюля 1882 г. Въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ на средства общества оказана слѣдующая помощь городскимъ школамъ. а) Куплено и роздано въ послѣднія двѣ зимы бѣднѣйшимъ изъ учащихся: 409 паръ пимовъ (теплыхъ сапоговъ), 212 теплыхъ (на верблюжьей шерсти) пальто, 69 теплыхъ платковъ и 67 теплыхъ шапокъ. Кромѣ того, нѣкоторымъ бѣднякамъ оказана помощь выдачею учебниковъ, бѣлья и обычнаго носебнаго платья и обуви. б) Внесено за право ученія кончившихъ курсъ въ приходскихъ школахъ: за 4 учащихся въ женской гимназій, 1-го въ мужской гимназій, 1 въ реальномъ училищѣ и 41 въ уѣздномъ училищѣ. в) Даны средства двумъ изъ способнѣйшихъ учениковъ уѣзднаго училища уѣхать въ Омскъ для поступленія въ учительскую семинарію. г) Выдано пособіе двумъ бывшимъ учительницамъ. д) Выдавалось содержаніе въ первый годъ двумъ, а затѣмъ одной сверхштатной учительницѣ для помощи въ болѣе многолюдныхъ школахъ и для замѣны заболѣвшихъ учителей. е) Устроено, обстановлено и содержится Еланское женское училище. ж) На пріобрѣтенныя, въ теченіе двухъ лѣтъ, средства общимъ собраніемъ постановлено открыть и содержать съ августа сего года Еланское мужское училище. Въ теченіе двухъ лѣтъ на вышеозначенныя статьи израсходовано 3,139 р. 80 к. Въ кассѣ общества въ настоящее время имѣется 8,764 р. 11 к.

Къ концу 1882 года общество состояло изъ 15 почетныхъ членовъ и 923 обыкновенныхъ, къ концу 1883 года почетныхъ членовъ было 35, обыкновенныхъ 1,350. Въ текущемъ году число обыкновенныхъ членовъ пока невѣстно (за неполученіемъ свѣдѣній отъ членовъ-сотрудниковъ о числѣ розданныхъ ими членскихъ билетовъ). Почетными членами вновь записались 5 человекъ (подробный списокъ членовъ, а равно и денежный отчетъ печатаются ежегодно въ январѣ для доклада общему собранію членовъ).

Въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ общество успѣло заручиться сочувствіемъ значительнаго числа лицъ. На доброе дѣло откликнулись томичи отъ Амура до Петербурга. Не отказали въ своей помощи и нѣкоторые изъ добрыхъ людей, совершенно чуждыхъ Томску (въ числѣ 40 почетныхъ членовъ 24, а въ числѣ обыкновенныхъ около 300—лица иногородныя). Въ числѣ членовъ общества состоятъ съ одной стороны мѣстные представители власти и городского общества, съ другой рабочіе разныхъ мастерскихъ и даже поденщики. Въ кассѣ общества есть трудовыя копейки рабочихъ изъ городской артели и золотыхъ промысловъ, есть рубли изъ скудныхъ средствъ студентовъ петербургскаго и казанскаго университетовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

Въ апрѣлѣ сего года извѣстный нашъ путешественникъ докторъ Писецкій пожертвовалъ обществу 100 экземпляровъ своего прекраснаго труда „Путешествіе по Китаю“, на сумму 500 р.

Скромный труженикъ науки, бывший учитель здѣшней губернской гимназій, Николай Яковлевичъ Воскресенскій, умирая, завѣщалъ обществу изъ своихъ скудныхъ средствъ, скопленныхъ трудомъ и лишеніями, цѣною его собственной жизни, выигрышный государственный займа билетъ (миръ доброй душѣ его!).

Почитатели бывшаго директора здѣшней гимназій, Бориса Ивановича Сибирскаго, собрали деньги (700 р.) на стипендію его имени въ гимназій, передали и въ наше общество 120 р., дабы увѣковѣчить его имя и его всегда теплое отношеніе къ нашимъ школамъ.

Предсѣдатель общества П. И. Макушинъ въ концѣ сказалъ: „Пусть же растетъ наше общество и множится расположеніе къ нему всѣхъ нашихъ добрыхъ согражданъ, всѣхъ, кто способенъ любить дѣтей, кто желаетъ лучшаго будущаго. Не хотите быть нищими, стройте школы. Не хотите строить школы,—стройте тюрьмы... Ученіе—свѣтъ!.. Девизъ нашего общества пусть будетъ: Больше свѣту! Ни одного неграмотнаго!“

Дай Богъ, чтобы этотъ американскій девизъ привился въ сибирскихъ городахъ, чтобы отдаленная Сибирь воиной подражала своей старшей сестрѣ Америкѣ во всемъ, что касается драгоценныхъ благъ просвѣщенія, цивилизаціи и гражданскаго развитія.

Тобольскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Злобой дня здѣсь неудача при закладкѣ зданія духовнаго училища. Дѣло въ томъ, что лица, которымъ былъ препорученъ надзоръ за возведеніемъ зданія на купленномъ для этой цѣли мѣстѣ, начали рыть канавы для возведенія фундамента, не справившись сначала съ утвержденнымъ планомъ города, а по направленію стараго забора. Вотъ тутъ то и вышелъ весь курьезъ. Публика, которая была приглашена къ закладкѣ, прибывъ туда, узнала, что закладки нѣтъ. Удивленіе всѣхъ было разсѣяно лишь послѣ, когда узнали, что постройку велѣно остановить, такъ какъ канавы подъ фундаментъ вырыты пятнадцатю саженьями впередъ той линіи построекъ, которая имѣется на утвержденномъ планѣ города. Особенно же удивило то, что это всѣ узнали не отъ думы, которая обязана слѣдить за возведеніемъ построекъ въ городѣ, а отъ обывателей, которыхъ возмутило такое нарушеніе плана. Итакъ духовному училищу, благодаря усердію строителей и нашей думы, не суждено воспользоваться скорѣе новымъ зданіемъ. Интересно будетъ знать, кто же заплатитъ за рытье канавъ на новомъ мѣстѣ, а также и за контрактованнымъ рабочимъ, которые сидятъ теперь безъ дѣла. Говорятъ, что тутъ немало помогли ошибкѣ два мѣстные купеческіе воротилы, отличающіеся изъ своей среды творчествомъ курьезовъ. Такъ еще недвѣхъ одинъ изъ нихъ, извѣстный своей дѣятельностью, подъ фамиліей Корнюшкинъ, пригласилъ къ себѣ обѣдать проѣзжавшую черезъ Тобольскъ сановитую особу З. Но каково же было удивленіе З., когда, пріѣхавши обѣдать, въ дверяхъ онъ встрѣченъ былъ женой Корнюшкина, которая наивно объявила, что обѣда у нихъ нѣтъ, такъ какъ Титъ Титычъ, пригласивъ его, самъ приглашенъ былъ на обѣдъ къ купцу Ж., по случаю пріѣзда къ тому гостя. Пришлось отправиться искать обѣда за собственныя деньги. Но тутъ еще не все. Титъ Титычъ, нисколько не унывая, на слѣдующій день вновь попросилъ З. на обѣдъ. Титъ Титычъ вѣдь и не думалъ, что подобныя отношенія оскорбительны.

Тюмень (корресп. „Восточ. Обозр.“). Въ будущемъ году мы ожидаемъ принять у себя первый желѣзнодорожный поѣздъ, а къ

принятію гостей не готовимся. Живемъ въ грязи, въ сообществѣ съ трупами. Въ Тюмени кладбище находится внутри города, лѣтомъ (сейчасъ тоже) трупныя зловоніемъ заражаютъ воздухъ. Кладбище, устроенное въ прошломъ столѣтіи, переполнено костями. Могилы роютъ неглубоко, надъ прежде погребенными трупами. Врачебный персоналъ смотритъ на это снисходительно. Случись эпидемическая болѣзнь въ острогѣ, откуда приносятъ на кладбище покойниковъ каждый день, она заразитъ весь городъ, чрезъ трупное разложение.

Недавно дѣлали закладку тюменскаго вокзала желѣзной дороги. Прибыли начальникъ линіи Гете и губернаторъ. За обѣдомъ, который по сему случаю не преминули устроить инженеры на свой (!?) счетъ, говорилось много рѣчей и, конечно, возліяли желѣзнодорожнымъ богамъ.

Рѣчь г. Гете отличалась талантомъ и плавностію, говорилъ онъ, во-первыхъ, о томъ, какой переворотъ въ жизни дѣлаютъ желѣзныя дороги, какой переворотъ они сдѣлали въ Тюмени, что такое казенныя постройки, какое назначеніе долженъ исполнить инженеръ отъ казны и т. д. Говорилъ также и одинъ юный чиновникъ съ пафосомъ и жаромъ за „мужичка-строителя“. Конечно, эти повѣствованія очень кстати при жирныхъ обѣдахъ. Кстати тутъ были тосты и за подрядчиковъ pour la bonne bouche... Обѣдъ былъ прекрасный, зданіе освѣщено, провозглашено и благодареніе подрядчиковъ, и воздано должное смиренію рабочихъ, но... вотъ казусъ—послѣ закладки рабочіе то разбѣжались отъ благодѣтелей—подрядчиковъ.

Иркутскъ (корресп. „Вост. Обозрѣнія“). Недавно въ одномъ изъ городовъ Восточной Сибири разыгралась слѣдующая исторія

Къ дѣлопроизводителю, завѣдывающему хозяйственной частью, является нѣкто съ приличнымъ подкрѣпленіемъ и вопрошаетъ.

— Вы пишете корреспонденціи? Вы сообщили, что С—скій казенныя деньги растратил? Пожалуйте въ сумашедшій домъ!

— То есть позвольте, во-первыхъ, писалъ не я, а, во-вторыхъ, какъ же это въ сумашедшій домъ?

— Такъ въ сумашедшій домъ, или всеравно въ больницу.

— Но позвольте, я лечусь дома.

— Потрудитесь одѣваться, вы изъ буйныхъ.

Не смотря на протестъ, несчастнаго свезли въ госпиталь и сдали дежурному врачу, который не замѣтилъ въ привезенномъ никакихъ болѣзненныхъ признаковъ.

Передъ этимъ того же господина безъ всякихъ поводовъ начали преслѣдовать и допекать; онъ подалъ рапортъ о болѣзни. Тогда его начали допекать, чтобы онъ отправился въ госпиталь, а еще лучше подалъ бы просьбу объ отставкѣ. Г. М. подаетъ просьбу, но высказываетъ въ просьбѣ причину, что онъ выходитъ вслѣдствіе безпричинныхъ гоненій. Его просятъ замѣнить эти слова „по домашнимъ обстоятельствамъ“, но онъ имѣлъ смѣлость не согласиться на такой компромиссъ. Тогда является нахрапомъ одинъ изъ не задумывающихся передъ средствами мѣстный грифъ, и разыгрывается приведенная сцена. Подозрѣваемый въ больницѣ найденъ страдающимъ только катарромъ желудка.

Въ другихъ мѣстахъ бываетъ хотя разбирательство, изслѣдованіе, судъ, а у насъ—„позжалуйте въ сумашедшую палату, вы изъ буйныхъ“.

Поистиннѣ удивительныя нравы въ странѣ, гдѣ заподозрѣнныхъ въ обнаруженіи казеннаго воровства сажаютъ въ сумашедшіе дома, за то буйныя гамадрилы и пользующіея казеннымъ сундукомъ пріобрѣтаютъ расположеніе.

Якутскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Поземельныя дѣла въ Якутской области и борьба изъ-за земли между русскими и инородцами составляютъ явленіе почти постоянное. Въ чемъ выражаются эти

столкновенія, примѣромъ можетъ служить слѣдующее дѣло, поднявшееся нѣсколько лѣтъ назадъ. Мархинскій улусъ, какъ и весь Вилюйскій округъ, расположенъ вдоль рѣки Вилюя. Мѣста этого улуса принадлежатъ якутамъ. Недалеко отъ улуса есть церковь и небольшая деревня крестьянъ, называемая Нюрбинской. Названіе носить деревня отъ бывшаго озера Нюрба, которое въ длину имѣло 20 верстъ, а въ ширину 10 верстъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ 16 наслеговъ Мархинскаго улуса, расположенныхъ кругомъ озера, соединенными силами нѣсколько лѣтъ сряду копали канаву отъ озера въ рѣку Вилюю и выпустили затѣмъ это озеро до основанія. Образовался такимъ образомъ изъ выпущеннаго озера великолѣннѣйшій сѣнокосъ. Пользуясь мѣстностію, якуты сумѣли устроить такъ, что весной во время разлитія рѣки они выпускаютъ на вновь образованное сѣнокосное мѣсто воду и паводняютъ этою водою по участкамъ поочереди весь сѣнокосъ. Баснословная растительность превосходныхъ травъ вознаграждаетъ многолѣтніе труды якутовъ. Бѣдный Мархинскій улусъ съ выпуска озера значительно разбогатѣлъ многочисленнымъ скотоводствомъ. Кругомъ озера якуты вырубали лѣсъ и образовали пашни, возлѣ которыхъ выстроены дома. А такъ какъ крестьянская деревня выстроена на краю сѣнокоса, то якутами было отведено крестьянскому обществу отъ новаго мѣста подъ пашни и сѣнокосы значительное количество. Кромѣ этого, въ концѣ семидесятыхъ годовъ правительство отняло отъ якутовъ значительную часть сѣнокоса, которымъ надѣляли вновь поселяемыхъ скопцовъ. Земля церковно-служителей также когда-то принадлежала якутамъ, которымъ пришлось отступить и отъ сѣнокоса. Мархинскій улусъ около 40 годовъ безпрестанно и мирно пользовался своими сѣнокосами.

Служилъ до 1881 года въ Мархинской инородной управѣ писмоводителемъ Нюрбинскаго селенія Яковъ Габышевъ, первый богачъ и превосходнѣйшій кулакъ во всемъ улусѣ. Габышевъ задумалъ отнять у якутовъ хорошую землю въ пользу крестьянъ. Просьба богача-кулака какъ бы довѣреннаго отъ крестьянъ нашла поддержку въ Якутскѣ. Предписали областному землемѣру отвести каждому крестьянину и приписанному къ ихъ обществу, душамъ живымъ и мертвымъ, на душу по 7 десятинъ выгона, сѣнокоса и пашни. Въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ 1881 года продолжалось межеваніе. Землемѣръ и исправникъ въ угожденіе кулака Габышева распорядились такъ, что то мѣсто, которое считалось у крестьянъ до 1881 года выгоннымъ, отдано обратно якутамъ, а прежнія пашни, въ районѣ выпущеннаго озера, отданы въ замѣнъ выгоновъ; сѣнокосы наименованы пашнями, а вдоль всего сѣнокоса Нюрбы самая средняя урожайная часть отведена крестьянамъ подъ сѣнокосъ. По расчету душъ, считая даже по 21 десятину на душу, пришлось бы добавки 1900 десятинъ, но чиновники отвели болѣе 5000 десятинъ. На этомъ основаніи просятъ якуты перемежеванія на ихъ счетъ, но не могутъ допроситься. Два мѣсяца продолжалось межеваніе и два мѣсяца обыватели 16 наслеговъ держались въ сборѣ. Какъ-бы въ качествѣ депутатовъ, начальствомъ приглашены были изъ 3 сосѣднихъ улусовъ до 20 человекъ, такъ что въ сборѣ находились ежедневно отъ 200 до 300 человекъ. Одна же госпожа К—харева открыла въ это время на Нюрбѣ три заведенія на выносъ и распивочно, не имѣя ни патента, ни разрѣшенія на это. Когда запасъ водки сталъ уменьшаться, исправникъ командировалъ своего казака въ городъ Вилюйскъ за 200 верстъ и на обывательскихъ подводахъ привозили массу боченковъ, и продажа безостановочно продолжалась.

Габышевъ еще до начала межеванія обложилъ свое крестьянское общество подушнымъ сборомъ, говоря, что необходимо имѣть деньги

на расходы, что безъ денегъ толку не будетъ. Фактъ, что Габышевъ требовалъ съ каждой души по 35 руб., а за отсутствующихъ или мертвыхъ вносилъ самъ. Такимъ образомъ собралась приличная сумма съ 175 душъ по 35 р.—6025 р. Какіе расходы этими деньгами прикрыты, кому сколько дано, это знаетъ лишь Габышевъ.

Исправникъ и землемѣръ горою стояли за крестьянъ. Просьбы якутовъ, ходатайство послать въ Якутскъ довѣреннаго, дабы не отняты были сѣнокосы съ рѣшенія высшаго правительства, а межеванье продолжалось бы до отвѣта, всё доводы и слезы не имѣли успѣха.

Во время межеванія якуты мечтали, что по окончаніи церемоніи областной начальникъ прикажетъ возвратитъ имъ отобранное мѣсто, и въ этой дѣтской надеждѣ въ іюлѣ и августѣ выкосили попрежнему каждый свой сѣнокосъ. На отобранномъ участкѣ якуты выкосили и сметали 200 стоговъ, кругомъ по 10 сажень, что по мѣстному разсчету составляетъ по 40 возовъ хозяйственныхъ въ каждомъ стогѣ. Въ концѣ сентября 1881 года пріѣхалъ исправникъ съ казаками и съ улуснымъ начальствомъ и за-всяко-просто отобралъ у якутовъ выкошенное ими сѣно. Сѣно и мѣсто не ваше, а крестьянъ слѣдовательно на чужомъ мѣстѣ кошенное сѣно принадлежитъ владѣльцу сѣнокоса, говорилъ онъ. Чтобы спасти свой скотъ отъ падежа вслѣдствіе безсѣнницы, якуты были вынуждены отъ того же Габышева купить собственное свое сѣно обратно и заплатили по 2 р. 50 к. за каждый возъ. Къ веснѣ всё 200 стоговъ были проданы.

Это горестное положеніе якутовъ вынудило обывателей 16 наслеговъ послать своихъ довѣренныхъ въ Якутскъ съ основательнымъ прошеніемъ, каковое вручено было 1-го сентября 1881 года въ руки губернатора. Губернаторъ возвратилъ якутамъ ихъ прошеніе. Якуты отъ неудачи не ушли духомъ. Выбранъ былъ довѣренный стойкаго характера и свѣдущій въ дѣлахъ. Въ октябрѣ подали второе прошеніе, на каковое также никакого распоряженія не послѣдовало. Въ февралѣ 1882 года явился довѣренный лично въ Якутскъ и подавалъ прошеніе, въ коемъ подробно разъяснилъ превышеніе власти исправника и другіе его незаконные поступки, прося о семъ доносѣ формальнаго слѣдствія. Слодствіе назначено лишь въ апрѣлѣ 1883 года, послѣ нѣсколькихъ прошеній, поданныхъ генералъ-губернатору. Доносъ вполнѣ оправдался, хотя слѣдствіе произведено было слѣдователемъ и прокуроромъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, быстро.

Ачинскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Позвольте познакомить васъ съ образчикомъ нашего стараго судопроизводства. 27 апрѣля 1872 года (значитъ, ровно двѣнадцать лѣтъ тому назадъ) нашъ купецъ Г—ій Н—вичъ М. заявилъ полицейскому надзирателю, что приказчикъ его, М—а, крестьянинъ В—ій Е—въ скончался скоропостижно. Полицейскій надзиратель, осмотрѣвъ покойнаго, не нашелъ на немъ знаковъ насильственной смерти и, удовлетворившись завѣреніями М—а и его домашнихъ, что Е—въ „скудался“ сердцемъ, разрѣшилъ его погребеніе. Но вотъ начинаютъ ходить въ городѣ слухи, что смерть Е—ва насильственная, что его побили, а потомъ отравили, чтобы лишить возможности жаловаться, и что М. заплатилъ полицейскимъ властямъ большія деньги, для закрытія истинной стороны дѣла. Слухи эти дошли, наконецъ, до начальника енисейскаго губернскаго жандармскаго управленія и до губернскаго прокурора, изъ которыхъ первый 13 октября 1875 г. за № 112, а второй 14 того же октября за № 2097 (т. е. спустя слѣшкомъ уже три года) сообщили губернатору категорическое обвиненіе противъ купца М. въ убійствѣ Е—ва, основанное на свидѣтельскихъ показаніяхъ. Тѣло Е—ва было выкопано изъ земли и

подвергнуто судебно медицинскому осмотру, по которому обнаружено, что смерть Е—ва послѣдовала отъ отравленія мышьякомъ, значительное количество котораго было найдено медицинскимъ департаментомъ при изслѣдованіи внутренностей; гнилостное же разложеніе наружныхъ частей трупа воспрепятствовало дать заключеніе о наружныхъ знакахъ насилія. Для производства слѣдствія былъ командированъ блаженной памяти губернской казенныхъ дѣлъ стряпчій А—юковъ (находившійся постоянно въ состояніи невинности отъ чрезмѣрнаго пьянства и прозябающей нищѣ гдѣ то въ глухой области), который началъ съ того, что вытребовалъ изъ мѣстной команды нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ со штыками и окружилъ ими домъ купца М., порѣшивъ такимъ образомъ, что М. находится подъ домашнимъ арестомъ. Черезъ нѣсколько дней впрочемъ слѣдователь уже совершенно перемѣнилъ тактику и не только убралъ штыки, но и началъ появляться въ домѣ М. для кутежки, а на свидѣтелей, которые компрометировали М. своими показаніями, кричалъ: „сволочь, врешь! въ чижовку посажу!“ Губернское начальство, видя, что съ слѣдователемъ дѣлаются припадки бѣлой горячки, послѣшило отозвать его отъ слѣдствія подъ предлогомъ командировки для реввіи волостныхъ правленій, а дѣло было передано въ дальнѣйшее производство ачинскому полицейскому надзирателю. Такъ или иначе, но противъ М. были обнаружены слѣдующія улики: 1) передъ смертью Е—ва сильно рвало, но рвота съ полу исчезла, и никто изъ прислуги М. не могъ удостовѣрить, что мѣста, запачканныя рвотой, смывались, такъ что слѣдуетъ предположить, что самъ М. позаботился объ очищеніи слѣдовъ рвоты, чтобы придать силу своимъ показаніямъ о томъ, что Е—въ былъ боленъ сердечной болѣзью; 2) пять свидѣтелей: Ивановъ и Долгополовъ (приказчики), Барановъ и Грисъ (рабочіе) и Жигулина (стряпка) удостовѣрили, что М. дѣйствительно билъ Е—ва за дѣло до его смерти; и 3) одна свидѣтельница Оедосья Шалугаева показала, что утромъ въ день смерти Е—ва М. зашелъ къ помощнику исправника и, бесѣдуя съ нимъ интимно, высказалъ: „что я вчера побилъ моего приказчика, а сегодня онъ умеръ, нельзя ли похоронить безъ слѣдствія?“ Послѣ долгихъ переговоровъ помощникъ исправника согласился съ тѣмъ только условіемъ, если священникъ будетъ согласенъ.—Послѣ этого дѣло дополнялось нѣсколько лѣтъ по требованіямъ суда и, наконецъ, 14 августа 1881 года енисейскій губернский судъ постановилъ рѣшеніе: случай смерти Е—ва, послѣдовавшей отъ отравленія мышьякомъ, предать волѣ божіей, а М. считать отъ суда свободнымъ.

Но приговоръ этотъ не произвелъ уже никакой сенсаціи, потому что общество, слѣдившее за всѣми, измѣнявшимися обстоятельствами слѣдствія, давно уже было убѣждено, что М. не будетъ обвиненъ, и встрѣтило рѣшеніе спокойно. Напротивъ, мѣстные Кондраты, Колупаевы и Разуваевы и прочіе были очень рады такому рѣшенію, подававшему и имъ нѣкоторыя надежды, и почтили М. избраніемъ на почетную должность.

КРЕСТЬЯНСКІЙ КРИЗИСЪ.

(Письмо изъ Западной Сибири).

По поводу недавнихъ неурожаевъ и недостатка въ хлѣбѣ въ нѣсколькихъ округахъ Западной Сибири, у насъ было приведено нѣсколько извѣстій. Теперь мы получили весьма интересное письмо о причинахъ крестьянскихъ кризисовъ,—

письмо, заставляющее подумать о положеніи сибирскаго крестьянства.

„Вы знаете, что дорогая наша колонія мѣсяца три назадъ была близка къ хозяйственному банкротству. Богъ милостивъ, предвидимые урожаи, можетъ быть, отодвинуть его на нѣкоторое время. Никто не коснулся вопроса послѣдствій этого банкротства. Мы боялись раздуть дѣло, скрывали его настоящую подкладку. Хлѣбъ еще былъ въ магазинахъ винокуренныхъ заводчиковъ и крестьянъ—кулаковъ, его хватило бы на годъ. Но послѣдніе, предвидя кризисъ, начали его сбывать заблаговременно на Уралъ по дорогимъ цѣнамъ, оставляя себѣ необходимое пропитаніе на два года. Не забудьте, что въ трехъ округахъ: Курганскомъ, Ялуторовскомъ и Тюменскомъ, находится до 40 т. бездомныхъ поселенцевъ. Голодъ въ Казанской, Самарской, Пермской губерніяхъ не такъ страшенъ. Тамъ были бы деньги, хлѣбъ можно доставить и зимой, у насъ сдѣлать это не такъ легко. Неудобно ли купить и доставить его чрезъ Барабинскую степь! Да когда онъ придетъ, да во что онъ обойдется зимою? Когда были въ ирбитской армаркѣ сдѣлки винокуренныхъ заводчиковъ на покупку хлѣба, г. Паклевскій не закупалъ обыкновенныхъ запасовъ. Будетъ голодъ, пожалуй, отдать придется, говорилъ онъ. Дѣйствительно пришлось бы отдать: голодъ не тетка, а голодныхъ ртовъ, способныхъ на всякое дѣло, 40 т. Весной въ виду заработковъ на желѣзной дорогѣ, а главное вслѣдствіе безсовѣстныхъ объявленій подрядчиковъ въ Тюмень нахлынули тысячи рабочихъ, благодаря чему цѣны сбили до 25 к. въ сутки. На частныхъ работахъ поденная плата доходила до 15 копеекъ. Голодные крестьяне ходили толпами по улицамъ. Просьбы о насущномъ хлѣбѣ переходили въ угрозы. Вы знаете, что поселенецъ въ Сибири обездоленъ и закабаленъ нашимъ крестьяниномъ: скота у него нѣтъ, хозяйства нѣтъ, пашня (пустошь или солонецъ) отведена за выгонами, версть за 10. Что онъ можетъ сдѣлать при этихъ условіяхъ?—Какъ промаесть, ребята, вы этотъ годъ, если будетъ неурожай? спрашивалъ „развертисый“ чиновникъ изъ новыхъ бездомныхъ поселенцевъ.— Какъ вы, ваше благородіе, а у насъ, слава Богу, нашъ хлѣбецъ у богатыхъ мужиковъ лежитъ да дожидается.

Хозяйство сибирскаго крестьянина, туземца, таетъ не по днямъ, а по часамъ. Слыханное ли дѣло, чтобы сибирскій крестьянинъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сѣно косилъ? На дѣтскихъ картинкахъ „что бываетъ и что не бываетъ“ такой способъ хозяйства отнесенъ къ послѣдней категоріи, а между тѣмъ нынѣ въ Червишевской волости Тюменскаго округа въ декабрѣ крестьяне косили сухую траву, такъ называемую „шумиху“. Расчищали лопатами въ поляхъ снѣгъ, поднимали поваленную траву и производили по всѣмъ правиламъ искусства сѣнокосъ при 30° мороза. Морозъ щиплетъ, а парня другъ надъ другомъ подсмѣиваются: „ну, и комаровъ нынѣ, ребята!“ Скотъ мужики заморили голодомъ. Пришлось навозъ, котормъ обыкновенно обложены сибирскія деревни, провѣивать и кормить животныхъ сухими экскрементами. Не нашлось ни одного умнаго блюстителя, чтобы остановить такое продовольствіе. Результаты вышли хуже, чѣмъ можно было ожидать—съ апрѣля начался валежъ скота. Кругомъ Тюмени, Ялуторовска пало нѣсколько тысячъ головъ. Вслѣдствіе ненормальныхъ отношеній между крестьянскими чиновниками и земской полиціей (главное вслѣдствіе того, что распоряжаются крестьянскимъ хозяйствомъ всѣ, и каждый посвоему), крестьяне

усвоили себѣ привычку не закапывать и не сжигать павшаго скота, а бросать его въ окрестностяхъ деревень. Нужно сознаться, что люди только Божіею милостію спасены отъ новальныхъ болѣзней. Въ маѣ мѣсяцѣ вода пахнула трупами, мимо многихъ деревень пельзя было проѣхать. Занеси въ это время какаіи нибудь проходящая партія эпидемію, дорого бы пришлось поплатиться за дурную распорядительность въ краѣ.

Благосостояніе крестьянина въ Тобольской губерніи пошло подъ гору лѣтъ двадцать назадъ. Причины этого, кажется, заключаются, во-первыхъ, въ недостаткѣ пахатныхъ земель при увеличеніи населенія. Здѣсь нужно принять во вниманіе, что послѣ послѣдней ревизіи передѣла земель не было, и такимъ образомъ въ настоящее время приходится на семью не болѣе 2—3 десятинъ пахатной земли. Если въ 1885 году назначать ревизію, то ожидаютъ не болѣе 1½ десятинъ на душу. Во-вторыхъ, имѣетъ значеніе особый специально сибирскій способъ хозяйства: за отдаленностію пашень отъ выгоновъ, которые окружаютъ деревню, земли не унавоживаются, а потому годъ отъ году уменьшаютъ свою производительность. Въ-третьихъ, должна быть принята во вниманіе пережеженность полосъ островнаго чернозема съ такъ называемыми бѣлками (бѣлый глинистый черноземъ съ пескомъ), къ которымъ сибирскій крестьянинъ не можетъ приспособить свою обработку земли, чтобы перейти къ трехпольному хозяйству; въ-четвертыхъ, въ ограниченіи свободы въ распашкѣ полей, которыя съ увеличеніемъ населенія уменьшались; въ-пятыхъ, въ измельчаніи скота и вообще въ упадкѣ скотоводства. Здѣсь нужно оговориться, что вслѣдствіе островнаго расположенія черноземныхъ участковъ съ неудобными для земледѣлія участками сибирскій крестьянинъ раскидывается своимъ хозяйствомъ на обширное пространство; даже въ Тюменскомъ округѣ, болѣе населенномъ, есть пашни за 20 верствъ отъ деревни. Подъ рукою пашни бываютъ рѣдко. Сибирскій землевладелецъ по необходимости долженъ имѣть большее число скота, чѣмъ русскій крестьянинъ, а отсюда является потребность въ большихъ выгонахъ. Выгоны для пастбищъ вдали отъ деревни крестьяне считаютъ для себя неудобными, потому что продукты молочнаго хозяйства составляютъ здѣсь также важную статью дохода; удои скота, если выгоны будутъ вдали отъ деревни, обременяютъ рабочія руки. При частыхъ упадкахъ рогатаго скота и лошадей, крестьянинъ не можетъ управляться съ хозяйствомъ, поэтому употребляетъ лошадей въ работу очень рано. Лошади ходятъ подъ сохой иногда 1½ и 2 лѣтнія, случка также начинается рано. Отъ этого при плохомъ уходѣ скотъ измельчалъ. Я нынче видѣлъ лошадь, которая при взвѣшиваніи оказалась 8½ пудовъ. Разумѣется, это крайне мелкій экземпляръ. Люди бываютъ тяжелѣе. Нашъ купецъ В—ловъ 7¾ пудовъ, а Т—финъ, вѣроятно, тяжелѣе лошади.

Въ-шестыхъ, подкузьмили крестьянъ кабакомъ и начала самоуправленія, безъ разумной его организаціи. Вы знаете, какъ П—скій забралъ въ руки торговлю виномъ. Около Тюмени ведро стоитъ 8 руб., а въ розничной продажѣ доходитъ до 10 р. Любопытны были случаи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. По случаю голода во многихъ волостяхъ хлѣбъ выдавали изъ запасныхъ магазиновъ, и, какъ бы вы думали, онъ переходилъ въ руки сидѣльцевъ. По веснѣ сидѣльцамъ закладывали даже пары, подготовленные для посѣва, и это практикуется давно. Сидѣлецъ получаетъ еще съ зимы за безцѣнокъ

занаханные пары отъ разгуливавшагося мужика, а потомъ перепродаетъ ихъ кулакамъ. Благодаря народному самоуправленію безъ разумныхъ руководителей, тюменскіе тузы какъ нельзя лучше воспользовались неурожаемъ. Въ мартѣ скупили на срубъ за безцѣнокъ всѣ лучшія рощи около деревень, лежащихъ близъ Тюмени, а теперь выбрали землю какъ нельзя лучше. Отъ большихъ лѣсовъ около деревень Копытовой и Антипиной теперь и слѣда не осталось. За ведромъ вина при посредствѣ „горлановъ-мужиковъ“ и того же сидѣльца совершаются возмутительныя сдѣлки въ ущербъ крестьянскому хозяйству. Въ запасныхъ магазинахъ хлѣба было достаточно; по случаю голодовки губернаторъ разрѣшилъ пользоваться этими запасами. И что же изъ этого вышло? Миръ выдавалъ хлѣбъ сообразно вложеннымъ паямъ каждому, кто дѣлалъ запасы. Такимъ образомъ на долю богатыхъ пришлось больше хлѣба, чѣмъ на долю голодающихъ. Разъ было въ Тюмени любопытное пониженіе базарныхъ цѣнъ на хлѣбъ, когда потрогали червишевскій магазинъ. Паи были привезены зажиточными крестьянами, какъ излишки, въ городъ.

Наконецъ, въ-седьмыхъ, крестьянское хозяйство въ Тюменскомъ и окрестныхъ округахъ падаетъ вслѣдствіе уменьшенія кустарныхъ промысловъ. Первый и весьма доходный промыселъ тележный палъ съ развитіемъ парохозяйства, прежде выдѣлывалось отъ 10 до 12 тысячъ телегъ и саней, а теперь не болѣе 2000 тысячъ. Извозный промыселъ отъ Екатеринбургa и Ирбита до Тюмени, помимо собственнаго отъ него дохода, требовалъ и большое число экипажей для различныхъ товарныхъ кладей. Съ проведеніемъ желѣзной дороги до Тюмени эта статья производительности уничтожается. Разумѣется, ее можно замѣнить другими промыслами, но крестьянинъ объ этомъ скоро не догадается самъ (онъ заднимъ умомъ крѣпокъ), спохватится, когда обнищаетъ. Опытовъ къ тому много.

Въ общемъ, благосостояніе крестьянъ падаетъ отъ того, что сильно насѣлъ на нихъ городской обыватель (обиратель). Цѣны на колоніальные и мануфактурные товары повышаются сообразно паденію бумажнаго рубля. Короче сказать, мы живемъ серебрянымъ рублемъ, а мужикъ получаетъ 70 коп. за пудъ на бумажный рубль. Разсчитайте, до какого ничтожества дошла его заработная плата, если онъ покупаетъ ведро вина за 8 рублей. Что онъ долженъ брать по этому разсчету за свой пудъ хлѣба? Эксплуатируетъ его заводчикъ, эксплуатируетъ вязниковецъ на гниломъ московскомъ товарѣ, эксплуатируетъ земскій, эксплуатируетъ часто блюститель правственности, однимъ словомъ, всякій, кому не лѣнь, а мужикъ все-таки беретъ 70 коп. за пудъ, какъ было и 10 лѣтъ назадъ. Весь вопросъ, кажется, вертится на томъ, какими путями оградить мужика отъ эксплуатаціи. Чрезвычайно велика разница между развитіемъ городского и сельскаго населенія. Городское населеніе учатъ всему, а сельское — оставляютъ въ полномъ невѣжествѣ. Въ сельскія школы никто не заглядываетъ, ничему тамъ не учатъ, только деньги съ мужиковъ берутъ. Поднять въ Сибири народное образованіе — вопросъ первой необходимости, а объ этомъ никто и не думаетъ“.

N.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВЪ ПЕКИНѢ.

(Экспедиція Г. Н. Потанина).

На этотъ разъ сажусь за письменный столъ послѣ того, какъ побывалъ въ городѣ мѣстахъ въ четырехъ, пересѣкъ его въ разныхъ направленіяхъ, поѣздилъ по нему въ городской повозкѣ и походилъ пѣшкомъ.

Пекинъ состоитъ изъ нѣсколькихъ городовъ, какъ бы вложенныхъ одинъ въ другой; одна стѣна облегаетъ городъ снаружи и даетъ ему общее очертаніе,—очертаніе прямоугольника, внутри его лежитъ другой прямоугольникъ, также обнесенный стѣной; середина этого втораго города опять обнесена стѣной и образуетъ третій городъ, точь-въ-точь какъ кунгурскіе сундучки, которые дѣлаются малъ-мала меньше и вкладываются одинъ въ другой. Въ самомъ среднемъ городѣ живетъ императорское семейство; этотъ городъ окруженъ рвомъ, наполненнымъ водой, въ него никого не пускаютъ изъ простыхъ путешественниковъ, и изъ-за высокихъ стѣнъ его не видно даже крышъ зданій. За исключеніемъ этого запретнаго мѣста, я былъ уже теперь во всѣхъ остальныхъ частяхъ китайской столицы. Конечно, и теперь еще осталось много мѣстъ, въ которыхъ я не бывалъ—Пекинъ городъ большой, но все-таки, полагаю, я видѣлъ его уже достаточно, чтобы сдѣлать сводъ впечатлѣній и выдать его за общую картину, въ которой послѣдующее знакомство сдѣлаетъ измѣненія только развѣ въ деталяхъ. Если путешественникъ разъ или два побываетъ въ городѣ, его спрашиваютъ: понравился ли ему Пекинъ? Этотъ вопросъ смущаетъ его; по крайней мѣрѣ, я не зналъ, какъ сразу на него отвѣтить. Теперь я отвѣтилъ бы такъ: доволенъ тѣмъ, что мнѣ довелось видѣть этотъ городъ, но чтобы мнѣ все въ немъ понравилось, не скажу, потому что кому же могутъ понравиться помойныя ямы, на каждомъ шагу нестерпимая вонь и пыль мелкая, какъ мука, залѣпляющая глаза. А видѣть Пекинъ все-таки интересно, какъ интересно видѣть оригинальнаго человѣка и разговаривать съ нимъ, хотя онъ и въ вонючихъ лохмотьяхъ. Сорныя кучи и помойныя ямы среди главныхъ улицъ дѣлаютъ то, что человѣкъ привыкшій къ чистоплотности европейскихъ городовъ, побывавъ въ лучшихъ улицахъ Пекина и увидѣвъ богатѣйшія кумирни, все-таки чувствуетъ, что его любопытство не удовлетворено. Какъ будто онъ все еще чего то не досмотрѣлъ, все еще не видѣлъ самой богатой, самой блестящей части города. А между тѣмъ, что еще гадо? Гдѣ можно найти болѣе блеска, чѣмъ на китайской торговой улицѣ съ ея магазинами, лицевые фасады которыхъ отъ земли до верхняго парапета покрыты сплошной позолотой? Все это состоитъ изъ изящныхъ рѣшотокъ, на которыя китайцы великіе мастера; ни простѣнковъ между окнами, ни карнизовъ, ни крышъ—все исчезло подъ мелкой сквозной рѣзбой. Даже вывѣски состоятъ изъ прорѣзи, въ которой іероглифы составляютъ самыя толстыя части. Надъ всѣмъ этимъ тоже рѣзной парапетъ, изъ котораго обыкновенно несутся къ небу двѣ стройныя колонки. Легко, воздушно, граціозно! золото блеститъ на солнцѣ! Точно ѣдете по улицѣ, уставленной разными иконостасами. Картина была бы очень красивая, если бы ей не портили китайскіе обычаи, во-первыхъ, ничего не чинить, что разрушается, во-вторыхъ, не сортировать лавокъ и магазиновъ, по чистоплотности и изяще-

ству. У китайцевъ нѣтъ этого, чтобы лавочника, который уже по свойству своего товара обреченъ на неизбѣжную неопрятность и вонь, гнать съ хорошихъ улицъ куда нибудь подалеже—не суйся, дескать, съ неумытымъ рыломъ въ калашный рядъ. Въ Пекинѣ, на самыхъ лучшихъ улицахъ, рядомъ съ роскошнымъ магазиномъ, въ которомъ продается дорогая фалань *), рядомъ съ его золоченымъ „иконостасомъ“, помѣщается канатная лавка или продажа кирпичей. Щепные дворы перемежаются съ роскошными магазинами и своими грудами жердей, стоямя приставленными къ заборамъ, придаютъ улицѣ издали какой то видъ въ родѣ готическаго. Часто передъ прекраснымъ фасадомъ выстроены балаганъ, для аукціона стараго платья или для народнаго театра, и покрытъ пологомъ, который по всей справедливости можетъ быть названъ конгломератомъ изъ заплатъ. У самаго входа въ магазинъ съ дорогими шелковыми матеріями вырытъ бассейнъ для помоевъ и мусора, по которому можно судить о состояніи желудковъ жителей улицы. Въ одномъ мѣстѣ продавецъ лѣса завалилъ половину улицы своими бревнами; въ другомъ каменотесное заведеніе въ той же мѣрѣ распространилось съ своими каменными глыбами. Тутъ кадки нагромождены въ видѣ башни, тамъ навалены колеса; всякій торговецъ располагается, какъ хочетъ, и лѣзетъ со своимъ громоздкимъ и неуклюжимъ товаромъ наружу. На улицѣ же находятся колодцы, водопои и писсуары; послѣдніе учреждаются сами собой, обычаемъ, и всегда съ посѣтителеми, не обращающими на проходящую публику никакого вниманія. Ветхаго и разваливающагося на пекинскихъ улицахъ гораздо больше, чѣмъ новаго. Китайцы какъ будто не имѣютъ понятія о ремонтѣ; богатый человѣкъ построилъ богатую, красивую лавку, позолотилъ ее и думаетъ, что онъ уже исполнилъ все, что отъ него требуется по отношенію къ городской красотѣ; построенное начинаетъ разваливаться и никто его не поправитъ. Посѣхъ садъ—деревья стоять не срубленныя. Развалилась стѣна, разсыпалась оконная рама, слиняла краска съ рѣшетки, сбѣжала позолота съ черепицы—всему предоставляется идти къ концу, который все это ожидаетъ. Отъ этого Пекинъ кажется городомъ находящимся въ упадкѣ, какъ будто всѣ погромы, которые вытерпѣла столица когда либо, сохранили свои слѣды, какъ будто правительство запретило со временъ Чингисъ-хана исправлять поврежденія, которыя Пекинъ испыталъ отъ иноземныхъ нашествій.

Улицы въ Пекинѣ хотя и людны, но не особенно переполнены народомъ, на большихъ улицахъ экипажи движутся свободно. Въ упряжи встрѣчаются чаще всего мулы, даже лошади; иногда увидишь завьюченнаго ослика, а также верблюдовъ. Медленно движутся двухколесныя телеги, запряженныя четверкой и иногда семеркой лошадей; городскія извозчичьи повозки ѣдутъ поскорѣе; но вообще быстрой ѣзды по улицамъ города нѣтъ; всадники на мулахъ и осликахъ ѣдутъ обыкновенно мелкой рысью. Пѣшеходы идутъ негусто; толкотня встрѣчается только въ тѣсныхъ улицахъ. Публика ведетъ себя сдержанно; ни дракъ, ни руготни не слышно. Звуковъ много, но все это мирные звуки: выкликанье названія товара, крикъ погонщиковъ на своихъ муловъ, или звонъ колокольчика и стукъ маленькаго барабана, производимые разносчиками.

Дѣловые люди идутъ, не торопясь, какъ будто раздумывая; быстрыми шагами идутъ только носильщики. Для живописца китайская улица и вообще китайская жизнь представляютъ богатѣйшій матеріалъ. Выходи въ любомъ мѣстѣ на улицу, тутъ тебѣ и картина—садись и пиши. Типическія фигуры на каждомъ шагу! Какъ просится на картину старичекъ-извозчикъ съ морщинистымъ, какъ у обезьяны, лицомъ, заботливо накладывающій табакъ въ свою крошечную трубку, или эта фигура въ большихъ очкахъ, точно колеса, медленно плетущаяся по тротуару съ заложеными назадъ руками и съ генеральской важностью обращающая свою голову на вытнутую впередъ шею то направо, то налево; это, можетъ быть, ученый, составитель какой нибудь компіляціи, или литераторъ, беллетристъ, дѣлающій наблюденія надъ уличной толпой или, можетъ быть, купецъ; какъ знать это человѣку, не посвященному въ китайскую жизнь?

Вотъ балаганъ, подолъ полога приподнять, здѣсь происходитъ какое-то представленіе или народный ораторъ говорить рѣчь, и вы видите множество выгнутыхъ спиныхъ людей, сидящихъ на скамьяхъ; по каждой спинѣ виситъ черная коса. Почему то вамъ вспомнились тѣ картинки, которыя обыкновенно прилагаются къ баснѣ „Совѣтъ мышей!“ А что за живописное рубище самый пологъ! Лохмотья висятъ по нему, какъ ворсъ. Живописныхъ развалинъ въ Пекинѣ не оберешься. Иногда развалившаяся фанза осѣнена двумя, тремя деревьями; въ ней никто не живетъ, но густая тѣнь деревьевъ привлекаетъ играющихъ дѣтей въ яркихъ костюмахъ, или странствующій цирюльникъ случайно поставитъ тутъ свой табуретъ, окрашенный въ красный, какъ сургучъ, цвѣтъ, и сгруппируетъ около себя небольшую толпу, частью ради зѣванья. Или старенькая, престаренькая фанза—окопный перенлетъ походить на гребенку, лишившуюся половины своихъ зубьевъ; однако передъ окномъ виситъ красная вывѣска съ изящно выведенными іероглифами; значить, кто-то поселился въ этихъ развалинахъ, можетъ быть, самъ каллиграфъ, нанимающійся писать вывѣски и афиши; красное пятно издали бросается въ глаза, какъ „яркая заплата на рубищѣ пѣвца“.

Множество жизней прожито въ улицахъ Пекина, какъ это видно на его руинахъ. Однѣ изъ нихъ прошли во дворцахъ, въ роскоши, въ тѣни садовъ; другія среди улицы, на горячемъ солнцѣ. Тутъ огромный пустырь со рвами, ямами, грудами кирпичей и черепицъ, съ остатками стѣнъ; это былъ княжескій дворецъ съ затѣями въ китайскомъ вкусѣ, но отъ прежней роскоши ничего не осталось; кирпичи растащены на постройку сосѣднихъ лачугъ, деревья срублены, самые корни выкорчеваны и ушли на дрова бѣднякамъ. А вотъ въ другомъ родѣ слѣдъ прожитой жизни: среди пыльной улицы стоитъ ларь, надъ нимъ деревянный зонтикъ; нѣкогда тутъ стоялъ продавецъ, раскладывая на соблазнъ деревенскихъ парней свой пестренькій товаръ на два съ полтиной цѣнностью во всей совокупности и выкрикивая нечеловѣческимъ, какимъ то инструментальнымъ голосомъ; обанкротился бѣдняга, и стоитъ ларь пустой, а надъ нимъ торчитъ въ воздухѣ полинявшій и осыпавшійся зонтикъ, точно засохшій у пыльной дороги цвѣтокъ.

Общественныхъ зданій въ Пекинѣ незамѣтно; министерства и другія правительственныя учрежденія помѣщаются въ одноэтажныхъ зданіяхъ. Дома мандариновъ ничѣмъ не отличаются отъ домовъ частныхъ лицъ. Обыкновенный видъ

*) Мѣдныя вещи, покрытыя фарфоровой мозаикой, вазы, комнатныя украшенія и туалетныя бездѣлки.

такого жилища—длинный заборъ и небольшіе ворота. Самыя высокія зданія въ Пекинѣ—башни городской стѣны, эти башни вовсе не узкія зданія, со многими окнами, точно дворцы. Дальнія улицы въ Пекинѣ очень однообразны, за то гораздо чище, чѣмъ бойкія улицы. Пестрота красокъ только на торговых улицахъ. Администрація, наука скрываются гдѣ-то въ глубинѣ и живутъ тихо, не бросаясь въ глаза. Только торговое сословіе шумитъ, кричитъ и волнуется на улицахъ и ослѣпляетъ глаза пестрыми вывѣсками. Самыя обыкновенныя вывѣски—надписи; пишутся онѣ и горизонтально, и вертикально, но свойственнѣе для китайскаго письма вертикальная строка, а потому вывѣски часто имѣютъ видъ отвѣсно стоящихъ таблицъ, или видъ хоругвей, висящихъ въ воздухѣ. Чтобы нижній конецъ висящей таблицы не мѣшалъ пѣшеходамъ, его подтягиваютъ къ стѣнѣ или къ столбу. Изображенія на вывѣскахъ встрѣчаются рѣдко; чаще всего увидишь сапогъ въ видѣ золотого барельефа. Кромѣ подписей, для рекламы служатъ особые знаки; если вы увидите впереди входа или впереди навѣса четыре большія кисти изъ соломы или изъ бумажныхъ лентъ, точно штабъ-офицерскіе эполеты, знайте, что тутъ гостинница, и подъ навѣсомъ вы непременно увидите столики и за ними угощающихся посѣтителей. Если

вмѣсто кистей висятъ какіе то мѣшки, туго перевязанные, какъ колбаса—это мѣняльная лавка или банкирская контора, что позднѣшнему всеравно. Шнурки съ пучками рыжихъ перьевъ указываютъ на торговлю дешевыми шелковыми товарами и т. д. Подобныхъ шестовъ съ кистями, флагами и тому подобными знаками множество, и они пестрятъ торговые улицы. Очень недурное впечатлѣніе оставляетъ видъ „кошельковаго базара“, хэ-бао-сянь-цзы. Близъ воротъ Цяньмынь, ведущихъ въ торговый или южный городъ, подлѣ круглой стѣны тянется въ два ряда базаръ изъ мелкихъ лавочекъ; узкій корридоръ между ними прикрытъ сверху пологими, мощный каменный полъ чисто выметенъ; лавочки имѣютъ красивый, прибранный видъ; въ каждой лавочкѣ стоитъ лакированный столъ такой блестящій, какъ будто сейчасъ только изъ мастерской. Прохлада и чистота этого „пекинскаго пассажи“, гдѣ продается разная мелочь, вѣера, кошельки и т. п., составляла бы полный контрастъ съ соседней площадью, если бы въ одномъ мѣстѣ не была устроена кухмистерская, которая выходитъ въ корридоръ своими задами; витрины съ bijouteries вдругъ прерываются кадами съ помоями и остатками отъ закусокъ.

(Продолженіе будетъ).

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

По домашнимъ дѣламъ я вынужденъ былъ недавно выѣхать на недѣлю изъ Петербурга и ѣхать по направленію къ Москвѣ. Усѣлся въ вагонъ и прежде всего вздохнулъ чистымъ воздухомъ. Очень ужъ онъ чистъ сравнительно съ петербургскимъ. На платформѣ толпился народъ, слышались прощанья, скоро свистнулъ локомотивъ, и вагонъ задрожалъ тѣмъ ровнымъ, мѣрнымъ, однообразнымъ ходомъ, который такъ разстраиваетъ нервы при продолжительной ѣздѣ и отличаетъ поѣздку по желѣзнымъ дорогамъ отъ привольной, здоровой и, такъ сказать, гимнастической ѣзды въ экипажѣ. Я поневолѣ вспомнилъ ее. Представилась повозка, казанскій тарантасъ, гладкая дорога, уносящаяся тройка, такъ что пыль столбомъ, мѣрные удары всхлипывающего отъ быстрой ѣзды колокольца, парусъ отъ рубахи ямщика, козырекъ проѣзжаго, даль безконечная, полная отрадной зелени, родная, близкая сердцу даль...

Въ груди что-то ёкнуло, затосковало, застонало. Мнѣ стало жалко, что я не могъ проститься съ Петербургомъ совсѣмъ и поскакать въ эту знакомую даль, увидѣть опять екатеринбургскую дорогу, сибирскій памятникъ, обозъ, первую сибирскую деревню. Увижу ли когданибудь ихъ, Богъ вѣсть!

Вспомнилъ я свои поѣздки и возвращеніе, вспомнилъ чувства, волновавшія меня. Они были совсѣмъ другія, чѣмъ у отвѣзжающихъ въ Сибирь изъ Россіи. Помню, года два тому назадъ въ петербургскомъ вокзалѣ желѣзной дороги я видѣлъ трогательную сцену. Цѣлое семейство, состоявшее изъ матери и взрослыхъ дѣтей, провожало сына и брата, взрослога же, малаго лѣтъ подъ 30. Мать сдерживала рыданія, дочери плакали навзрыдъ, отвѣзжающій также плакалъ, какъ ребенокъ, не смотря на свой

видный ростъ и дородность. Поѣздъ долго не отходилъ, сцена была томительная, надрывающая. Человѣка точно хоронили, но это были похороны живаго человѣка; я полагаю, что молодца отправляютъ въ солдаты. Наконецъ, я услышалъ восклицаніе.—Господи, Господи! куда ѣдетъ то! и затѣмъ послѣдовали громкія всхлипыванія окончательно распустившагося 30-лѣтняго дитяти.

— Позвольте узнать, куда отправляется? рѣшился спросить я у одного изъ братьевъ.

— Охъ, и сказать нельзя, воскликнула сестра, въ такую даль—въ Иркутскъ, батюшка!

— Да, положимъ, далеко, но что же его ссылаютъ, что ли, поневолѣ ѣдетъ, что такъ разстаются?..

— Нѣтъ, зачѣмъ! фельдшеромъ ѣдетъ, сказала женщина, да мѣсто то неизвѣстное. Страху сколько!

— Помилуйте, сударыня, вѣдь тамъ люди живутъ; онъ, можетъ быть, капиталъ тамъ наживетъ. Словомъ рассказалъ объ Иркутскѣ, что могъ, родные изумились и нѣсколько утѣшились, но дитя было неутѣшно.

Такъ ѣдутъ въ Сибирь. Припомнились мнѣ надписи на памятникѣ между Сибирью и Россіей на Уралѣ, здѣсь все грани исписаны трогательнѣйшими выраженіями прощанія. За то сибиряки почти не прощаются съ родиной, они переѣзжаютъ равнодушно Уралъ. Въ одномъ мѣстѣ я угадалъ сибирскую надпись—„посидѣли и выпили“, больше ничего! Я часто думалъ надъ этимъ памятникомъ. Сколько слезъ здѣсь пролито, сколько проклятій произнесено ссыльнымъ людомъ. Я думалъ даже написать стихи и писалъ ихъ, только въ прозѣ. „Холодный мраморный памятникъ съ тремя соснами,

какой страх ты возбуждаешь у однихъ, съ какой ненавистью встрѣчается здѣсь новая страна, съ какимъ трепетомъ переходить эту грань изгнанники! Но въ моемъ сердцѣ нѣтъ къ тебѣ ненависти, во мнѣ ты возбуждаешь иныя чувства; я склоняюсь надъ этимъ мраморомъ своею головою, и немолчные вопросы звучатъ въ душѣ моей смертельной грустью: скажи, кто согрѣетъ теплотою души эти холодныя плиты, кто уронитъ жгучую слезу сожалѣнія на тебя, отверженная земля!

На сей разъ мои думы въ вагонѣ были прерваны. По фатальной случайности я услышалъ знакомое имя, всегда водящее меня изъ летаргіи. Я услышалъ твое имя, печальная, но милая родина. Гляжу, въ вагонѣ знакомыя лица—Ледоколовъ, Балалайкины и нѣсколько путейцевъ, всѣ оживленно бесѣдуютъ. Изъ отрывочнаго разговора я узналъ, что они ѣдутъ на Востокъ по какимъ то дѣламъ. Всѣ они были веселы и воодушевлены послѣднею закускою въ петербургскомъ вокзалѣ; ясно, что поѣздка на нихъ не производила тягостнаго впечатлѣнія. Скоро они будутъ тамъ, счастливы! шевельнулась у меня зависть. Да и какъ не завидовать, и Ледоколовъ, и Балалайкины тамъ будутъ приняты съ распростертными объятіями, какъ старые знакомые, пріятели и благодѣтели, а я могу ли этого ожидать? При всей любви, при всей горячей страстной любви моей къ тебѣ, земля моя, едва ли я буду принять, какъ другъ.

А Ледоколовъ съ Балалайкинымъ весьма весело между тѣмъ продолжали разговоръ. Ледоколовъ, какъ я узналъ, ѣхалъ опять открывать Мертвый Култукъ, проворный челоуѣкъ! Балалайкины заявлялъ, что онъ ѣдетъ на Амуръ къ своимъ кредиторамъ уплачивать долги и кое-что предпринять вновь.

— Будто бы ты заплатишь? сомнѣвался Ледоколовъ.

— Клянусь,—всѣ до копейки! Нельзя, совѣстно, брать сгало, сколько лѣтъ ждуть, думаютъ—пустилъ въ трубу, а я всѣ до копейки возвращу, такъ и слово далъ, когда „по особымъ порученіямъ назначили“...

— Да изъ чего же ты заплатишь? Вѣдь у тебя на Доминика не было! уличалъ Ледоколовъ.

— Изъ чего? Балалайкины на секунду задумался, видно, что этотъ вопросъ раньше не приходилъ ему въ голову.—Ну, Богъ дастъ, скоплю! Дѣлишко у меня намѣчено пріисковое! отвѣтилъ онъ.

Мнѣ не привыкать было слышать, какъ Балалайкины лгали. Зналъ я его и источники.

Разъ проѣздомъ мы съ товарищемъ остановились за Байкаломъ у одного торгующаго казака и узнали, что только что проѣхалъ другъ Балалайкина Штукендорфъ. Старый отставной казакъ былъ богатъ и скупъ; онъ принялъ насъ радушно и сообщилъ, что у него былъ такой знатный гость, какого онъ на вѣку не видывалъ!

— Кто же такой?

Казакъ назвалъ Штукендорфа и сообщилъ, какой это богачъ, сколько у него имѣній въ Россіи, какія связи. Богачъ этотъ взялъ у казака однако въ займы только до приѣзда въ Николаевскъ пустячки—тысячи двѣ на дорогу, обѣщая вмѣсто процентовъ прислать цѣлый серебряный сервизъ. Мой пріятель—спутникъ былъ шутникъ. Онъ раскрылъ суть дѣла и прибавилъ казаку: „да знаешь ли ты, что онъ въ дѣтствѣ еще честное слово далъ долговъ никому не платить?

Неужели онъ для тебя это слово нарушать будетъ!“ Казакъ припопъ въ отчаяніе, и старика даже запой хватилъ.

Ну, конечно, и Балалайкины заплатитъ. Дѣло знакомое!

Я видѣлъ, что Ледоколовъ и Балалайкины совершаютъ новую экскурсію—одинъ въ Ташкентъ, другой на Амуръ, воспользовавшись случаемъ административныхъ перемѣнъ. Вѣдь вотъ сколько передовыхъ статей, подумаешь, печатаютъ объ этихъ перемѣнахъ, сколько выпиренностей, а въ концѣ смотришь—Ледоколовъ и Балалайкины только новыя прогонныя себѣ выхлопотали. На сей разъ вагону посчастливилось. Смотрю я—кто-то держитъ слѣдующую рѣчь къ сосѣду и вагонной публикѣ.

— Да-съ, стыдно намъ! такой огромный край и забыть. Триста лѣтъ мы держимъ его въ своихъ рукахъ, а что же мы сдѣлали? Пора вознаградить Сибирь! Пора, господа!

Господи, откуда этотъ благодѣтель? Я невольно припомнилъ при этомъ громкія и фразистыя статьи нѣкоторыхъ большихъ газетъ. Слова эти принадлежали не кому иному, какъ молодому путейцу.

— Неисчерпаемыя богатства лежатъ у насъ на Востокѣ, продолжалъ молодой ораторъ, а мы ими не пользуемся, нужно дать выходъ, оживить торговлю и промышленность. Край этотъ представляетъ рѣдкое населеніе, надо содѣйствовать колонизаціи. Для всего этого необходима желѣзная дорога!

Такъ вотъ оно что, къ чему дѣло то клонится, подумалъ я. Понимаемъ!

Съ путейцемъ безусловно всѣ согласились—и ѣхавшіе рязанцы, и екатеринославцы, и тамбовцы, которымъ безусловно никакого дѣла до Сибири не было; но особенно сочувствовали оратору одинъ самарскій хлѣботорговецъ и отставной становой, скупившій въ Уфимскомъ краѣ землю.—Нѣтъ, положительно Сибирь надо вознаградить! Шутка-ли, триста лѣтъ держимъ—и ничего! восклицали они.

Вскорѣ зашла рѣчь и о направленіи желѣзной дороги. И на сей разъ путеецъ явился истолкователемъ.—Куда и какъ ее вести—у насъ еще не рѣшено, говорилъ онъ. На Казань и Нижній не годится, потому тутъ есть водные пути, да къ тому же уральскіе и екатеринбургско-тюменскіе инженеры позиціей здѣсь завладѣли, мѣсто занято, а намъ надо поновѣе да посвѣжѣе мѣсто. Ѣдемъ мы изысканія съ Челябинъ дѣлать, а куда еще доѣдемъ, не знаемъ. Но изысканіе сдѣлаемъ навѣрное. Не знаемъ только вотъ чего: гдѣ городъ Петропавловскъ лежитъ, потомъ есть, говорятъ, городъ Акмолинскъ съ областью—баранины въ немъ страсть сколько. Одни говорятъ, что эта область ближе къ Ташкенту, другіе говорятъ, что она какъ разъ на Восточномъ океанѣ, такъ вотъ мы искать эту область поѣхали. Найдемъ—и дорогу проведемъ! прибавилъ самонадѣянно инженеръ.

— Позвольте замѣтить, вступился нѣкто, сидящій въ томъ же вагонѣ, въ пестромъ пледѣ, съ тросточкой и съ видомъ иностранца. На счетъ направленія вы напрасно будете трудиться, оно отыскано, и я ѣду уже проводить эту дорогу.

Путейцы встрепенулись и насторожили уши. Они не знали, какъ принять эти слова.

— Не безпокойтесь, дорога отыскана, продолжалъ отчеканивать проѣзжій франтъ въ пестромъ пледѣ, крутя усы. Это направленіе будетъ отъ Обской губы къ Хайпудырской гу-

сь, близъ острова Вайгача; лучшее направленіе трудно найти, оно соединитъ двѣ тундры и обойдетъ недоступный Ялмалскій полуостровъ; тогда товары пойдутъ по льдамъ, чрезъ Новую Землю, Маточкинъ шаръ и т. д. Для этого предпріятія уже составлена мною огромная компанія изъ негоціантовъ всего міра! Я самъ ѣду теперь окончателно поставить это дѣло! Не угодно ли убѣдиться?

Изъ маленькаго мѣшка, гдѣ лежали бритвенныя принадлежности и духи, добыта была цѣлая куча маленькихъ брошюрокъ и роздана всѣмъ въ вагонѣ.

Путейцы, видимо озабоченные, кинулись на брошюрки, но чрезъ нѣсколько минутъ у нихъ показалась двусмысленная улыбка сожалѣнія, они пошентались и успокоились, взглянувъ съ насмѣшкой на инициатора міроваго предпріятія.

Лице новаго прожектора мнѣ показалось знакомымъ и, когда онъ, величественно закутавшись въ пледъ, ораторствовалъ въ вагонѣ, я узналъ въ немъ не кого иного, какъ простодушнаго франта Митю Прогорѣлова-Безхвостова.

Доселѣ это былъ просто добрый малый, безъ всякихъ занятій, прожившій состояніе въ гуляньяхъ по парижскимъ бульварамъ, и знатокъ гастрономическихъ блюдъ; благодѣтельницамъ онъ больше рестораторовъ, но зачѣмъ ему понадобилось облагодѣтельствовать о-въ Вайгачъ, я не понималъ. Когда я узналъ, что онъ съ *champs d'Élysée* переселяется на полуостровъ Ялмалъ, я только сказалъ— „экъ, его бросило“.

Прожектамъ его я, конечно, не придавалъ никакого значенія и во всемірную компанію не вѣрилъ, какъ и во все, что говорилъ Митя Прогорѣловъ-Безхвостовъ. Я зналъ, что у него ничего нѣтъ, кромѣ галстучка, ботинокъ и парижской тросточки. Куда же ему тутъ гнаться за путейцами! Зачѣмъ его въ Сибирь понесло, я также плохо понималъ.

Представилъ я себѣ его положеніе и въ Сибири. Долго будетъ дивиться сибирскій обыватель на этого парижскаго какаду, но хитрый сибирякъ скоро отвратитъ свой взоръ отъ него и скажетъ „оглашенный!“ Выслушаетъ его и Плѣшегорскій, понюхаетъ и, увидя, что Митя Безхвостовъ безопасенъ и взятокъ не разоблачитъ, успокоится и даже обѣдомъ накормитъ, увѣривъ, что Ялмалъ давно составляетъ предметъ его заботъ. А мѣстный статистикъ Купидонка Цыганкинъ даже панегирикъ напишетъ.

Изъ этого всего я заключилъ, что желѣзная дорога у насъ вачеку. По крайней мѣрѣ, я въ каждомъ вокзалѣ слышалъ восклицаніе путейцевъ:

— Край не можетъ оставаться въ застоѣ. Человѣкъ, котлету и бутылку лафиту! Надо оживить промышленность! Человѣкъ, бутылку портвейна и бифштексъ. Мы должны дать сбытъ сибирскимъ произведеніямъ. Человѣкъ, пулярку и финшампань!

Господи, и за что, за что выпало намъ это счастье? думалось мнѣ. Чѣмъ мы его заслужили?..

Чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ болѣе открывалъ, что въ вагонѣ поголовно сидѣли цивилизаторы. Одни киргизовъ осѣдлать ѣхали, какъ Ледоколовъ, другіе—въ Ташкентѣ ремесла заводитъ, третьи—шелководство въ степяхъ киргизскихъ устроить, четвертые—случныя конюшни заводитъ, пятые—переселенца направлять, ибо онъ все не туда идетъ, или, скорѣе, идетъ, идетъ да какъ тараканъ неизвѣстно въ щель куда-то и уйдетъ—ни податей, ни педоимокъ не взыщешь. Ёхалъ кто-то золото разыскивать, кто-то каменный уголь ко-

пать, и всѣ одинаково восклицали.—Нельзя, господа, этотъ край оставить въ застоѣ! 300 лѣтъ владѣемъ—и ничего. Пора вознаграждать Сибирь! До сихъ поръ мы сбывали только подонки сюда, отребье общества, мы награждали Сибирь ссыльными! горячился какой-то ораторъ.

— Позвольте, позвольте! вдругъ вступился еще цивилизаторъ изъ угла, въ новой фуражкѣ.—На счетъ этого вы напрасно касаетесь. Ссылка также благодѣяніе для Сибири. Позвольте узнать, кто въ сибирскихъ городахъ цивилизацію проводитъ, кто адвокатами, кто ходатаями по дѣламъ—ссылные! Гдѣ г. Бушъ, гдѣ г. Полянский, гдѣ г. Юханцевъ пользу приносятъ? Въ Сибири! Ссылные и статистикой занимаются, ссыльные и домашними секретарями служатъ, ссыльные въ концертахъ поютъ! Наконецъ, если бы не было Сибири, позвольте, куда же было бы дѣвать намъ этихъ господъ. Теперь Сахалинъ или Нерчинскій округъ, Якутскій край—сколько ихъ совмѣстить могутъ. Однихъ каторжныхъ сколько здѣсь предполагается размѣстить, а тамъ Амуръ еще. Я самъ по устройству помѣщеній для нихъ ѣду. Вы ужъ намъ не мѣшайте! Вѣдомство съ вѣдомствомъ не должно сталкиваться. Вы намъ желѣзную дорогу проведите, а мы по ней ссыльныхъ будемъ возить.

Я совершенно погрузился въ золотыя мечты на счетъ будущности обновляемаго такимъ образомъ края, которому триста лѣтъ и т. д.

Какъ вдругъ раздался громкій, какъ труба, голосъ Ледоколова, прервавшій оратора.

— Господа, знаете, что мнѣ пришло въ голову? Сибирь, что такое Сибирь?.. Я вамъ скажу.

Всѣ молчали.

— Сибирь, это—огромный ватеръ-клозетъ!!!

Взрывъ хохота огласилъ вагонъ цивилизаторовъ.

Я былъ пораженъ какъ громомъ. Вотъ такъ неожиданное открытіе!

Добродушный Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Французы овладѣли фортами Минганя и Кинная, разрушивъ въ нихъ укрѣпленія и уничтоживъ цушки европейскаго образца посредствомъ пироксилина. Полагаютъ, что по окончаніи военныхъ дѣйствій флота французы перенесутъ войну на сушу въ китайскую территорію. Адмиралъ Курбъ рассчитываетъ, покинувъ стоянку у Матсу при впадѣніи рѣки Мина въ море, уничтожить нѣсколько китайскихъ военныхъ судовъ, плавающихъ въ открытомъ морѣ, и, соединившись съ адмираломъ Леспесомъ, занять Келунгъ и разрушить укрѣпленія сѣверной части Формозы. Послѣ этого, по плану адмирала, Китаю будетъ данъ срокъ для возобновленія переговоровъ; срокъ этотъ будетъ весьма кратокъ; въ случаѣ же упорства Китая дать Франціи удовлетвореніе, французское правительство попроситъ у палаты согласіе возобновить военныя операціи. Французскій флотъ войдетъ въ Ян-це-Кіангъ и прерветъ сообщеніе между сѣверомъ и югомъ Китая и прекратитъ подвозъ риса, которымъ южныя провинціи въ это время снабжаютъ сѣверныя. Военныя дѣйствія идутъ и въ сѣверномъ Тонкинѣ, уступленномъ Франціи

по тивучинскому договору. Было нѣсколько стычекъ съ Черными Флагами, которые порывались снова овладѣть дельтой рѣки. Черные Флаги разбиты на всѣхъ пунктахъ и отброшены въ горы. Генераль Мильо, приказавъ генералу Негриѣ отступать къ Фу-Лангъ-Джіалу и устроить тамъ свою главную квартиру, въ виду лучшихъ гигиеническихъ условий мѣстности, оставилъ свой постъ. Изъ Франціи посланъ транспортъ военныхъ снарядовъ; замѣстителемъ генерала Мильо будетъ Бриеръ де-л'Иль. Во французскихъ газетахъ появилось описаніе рѣки Минъ, гдѣ происходили послѣднія операціи адмирала Курбѣ. При входѣ въ рѣку, суда должны миновать два бара, что возможно только при полноводіи, и, оставя влѣво островъ Вуфу, пройти между двумя рядами китайскихъ укрѣпленій и батарей. Этотъ рукавъ называется Кинпай и главные форты его Бѣлый и Кинпай. За Кинпаемъ рѣка расширяется до двухъ километровъ, а глубина ея мѣняется отъ 6 до 18 метровъ, такъ что большія суда могутъ проходить довольно свободно до прохода Минганъ, шириною не болѣе шестисотъ метровъ; Минганъ также защищенъ сильными укрѣпленіями, съ крупными пушками. Въ 14 километрахъ отъ Мингана, у Пагоды рѣка принимаетъ притокъ. Здѣсь имѣется арсеналь. Всѣ форты приспособлены такъ, что обстрѣливаютъ суда, входящія въ рѣку; потому эскадра Курбѣ, спускаясь отъ Фучеу къ морю, не могла сильно пострадать отъ огня китайскихъ судовъ. Французское правительство увѣрено въ добрыхъ отношеніяхъ къ Франціи континентальныхъ державъ; по слухамъ, въ концѣ сентября Бисмаркъ будетъ имѣть свиданіе съ Жюлемъ-Ферри въ Баденѣ.

— Въ Англіи составилаь „Народная лига для уничтоженія наслѣдственной палаты“ и опубликовала списокъ своего бюро, состоящаго изъ президента, сэра Лаусона и многихъ радикальныхъ членовъ палаты общинъ, въ качествѣ вице-президентовъ. Цѣли своей лига предполагаетъ достигнуть такими путями: 1) посредствомъ публичныхъ собраній въ столицѣ и провинціяхъ; 2) помощью публичныхъ чтеній и совѣщаній, устраиваемыхъ членами и агентами; 3) распространеніемъ брошюръ и книгъ, написанныхъ по этому предмету и 4) сформированіемъ мѣстныхъ отдѣловъ лиги. Членомъ лиги можетъ быть каждый, кто преслѣдуетъ ту же цѣль и обязется внести по крайней мѣрѣ одинъ шиллингъ въ кассу общества. Гладстонъ предпринялъ поѣздку въ Мидлоціанъ для свиданія съ своими избирателями и былъ восторженно привѣтствованъ населеніемъ мѣстностей, лежащихъ на пути. Къ нему являлись депутаціи, ему подносились адреса. Желаящие позать руку министра, умѣющаго понимать нужды народа, тѣснились около его кареты. Въ Мидлоціанѣ идутъ большія приготовления къ принятію популярнаго премьера. Зданіе, гдѣ будетъ говорить Гладстонъ, должно вмѣстить до двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Въ Портсмутѣ вооружаются суда для отправки въ Китай. Въ Вулвичѣ готовится экспедиція въ Хартумъ, снаряжается до 800 баркасовъ. Англійскія власти въ Канадѣ на вербовали 600 лоцмановъ для переведенія черезъ Нильскій водопадъ плоскодонныхъ рѣчныхъ судовъ. Экспедиція отправится вдоль Нила. Отъ Гордона получено извѣстіе такого содержанія: „Все идетъ какъ нельзя лучше. Продовольствія хватить на четыре мѣсяца“. Но извѣщеніе это помѣчено 13 апрѣля, изъ чего можно заключить, что къ послѣднимъ числамъ августа жители Хартума очутились въ весьма затруднительномъ положеніи. Англичане получили также извѣстіе, что въ мѣстностяхъ, завоеванныхъ суданскимъ пророкомъ, на молитвахъ, имя султана замѣнено именемъ Магди.

— Въ Австріи, защитникъ православія и чувства тяготѣнія славянъ къ Россіи, отецъ Наумовичъ выпущенъ изъ тюрьмы. Единомышленники встрѣтили его восторженно. Онъ засыпанъ телеграммами и письмами, газеты привѣтствовали его. Послѣднія впрочемъ были конфискованы. Отецъ Наумовичъ намѣренъ издавать журналъ, куда привлечетъ лучшія литературныя и научныя силы. Цѣль журнала — продолженіе начатой имъ дѣятельности.

— Болгарское министерство, съ Каравеловымъ во главѣ,

порицается оппозиціонною партією за нарушеніе постановленій тырновской конституціи, которыя самъ же Каравеловъ отстаивалъ, прежде чѣмъ сталъ во главѣ министерства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ болгары соображаютъ, что ни одно министерство не обходилось безъ нарушеній этой конституціи. Отсюда сдѣланъ выводъ, что тырновская конституція нуждается въ пересмотрѣ, какъ составленная второпяхъ, подъ влияніемъ различныхъ политическихъ давленій, и не соответствуетъ правамъ и обычаямъ болгарскаго народа. Пересмотръ ея является тѣмъ желательнѣе, что онъ предусматривается нѣкоторыми статьями самой конституціи. Въ Софіи организовалось учено-литературное общество, первое засѣданіе котораго было открыто 10-го августа княземъ Александромъ. Онъ въ рѣчи своей выразилъ удовольствіе по поводу организаціи общества. Въ сущности общество это организовано еще задолго до освобожденія Болгаріи отъ турецкаго владычества въ придунайскомъ городѣ Браиловѣ, въ Румыніи. Членами его состояли образованные болгары, отъ береговъ Дуная до Фракіи и Македоніи. Общество даже издавало свой журналъ „Періодическое Списание“. Въ настоящее время совѣтъ этого общества и его дѣятельность перенесены въ Софію, и въ первомъ засѣданіи шла рѣчь о расширеніи его программы. За сѣданіе происходило въ актовомъ залѣ классической гимназіи, присутствовали всѣ настоящіе и бывшіе министры княжества.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ, полученная товарищемъ министра, сенаторомъ Дурново, сообщаетъ: „Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи ихъ высочествъ, 27-го августа, въ 10 часовъ утра, благополучно изволили прибыть въ Варшаву“.

— Изъ Варшавы пишутъ въ „Politik“, что поляки готовятъ адресъ вѣрности и преданности, который они представятъ Государю Императору. Инициатива въ этомъ дѣлѣ, по словамъ корреспондента, принадлежитъ графу Велепольскому. Другой адресъ, какъ узнаеть „Temps“, будетъ представленъ Его Величеству отъ имени населенія Варшавской губерніи генераль-губернаторомъ Гурко. Поляки—какъ говоритъ корреспондентъ „Politik“ — хотятъ протестовать противъ всякаго подозрѣнія въ единомыслии ихъ съ нигилистами, о которыхъ упоминалъ „Journal de St.Petersbourg“ („Нов.“).

— Спеціальная коммиссія, образованная недавно при государственномъ совѣтѣ по вопросу о тюремной реформѣ, какъ сообщаютъ „Новостямъ“, окончила свои занятія, выработавъ подробный проектъ преобразования надзора за тюремными учрежденіями съ измѣненіемъ и порядка, существующаго нынѣ въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Проектъ этотъ, по дошедшимъ до упомянутой газеты свѣдѣніямъ, будетъ разсматриваться въ общемъ собраніи государственнаго совѣта въ концѣ будущаго мѣсяца.

— „Новости“ сообщаютъ, что въ скоромъ времени предполагается упразднить казенныя типографіи, частью же передать ихъ на арендныхъ началахъ въ частныя руки. Печатаніе приказовъ и другихъ официальныхъ бумагъ передано будетъ частнымъ типографіямъ или арендаторамъ казенныхъ типографій.

— Въ „Собраніи узаконеній и распоряж. прав.“ опубликовано Высочайше утвержденное положеніе комитета министерствъ о продленіи срока дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ. Внесеннымъ въ комитетъ министровъ представленіемъ министерство внутреннихъ дѣлъ полагало: I. Дѣйствіе Высочайше утвержденного 14 августа 1881 года положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія продолжить впредь на три года. II. Въ

губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Бессарабской и уѣздахъ: Симферопольскомъ, Евпаторійскомъ, Ялтинскомъ, Феодосійскомъ, Перекопскомъ и городѣ Бердянскѣ Таврической губерніи и городахъ: Саратовѣ съ уѣздомъ, Ростовѣ-на-Дону и Мариуполѣ Екатеринославской губерніи, а также Одесскомъ, Таганрогскомъ, Керчь-Еникальскомъ и Севастопольскомъ градоначальствахъ и Николаевскомъ военномъ губернаторствѣ срокъ дѣйствія введеннаго въ нихъ въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 27-го августа 1883 года положенія объ усиленной охранѣ продолжитъ еще на годъ, и III. Въ мѣстностяхъ имперіи, въ состояніи усиленной охраны не объявленныхъ, сохранить дѣйствіе ст. 28, 29, 30 и 31 положенія о мѣрахъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе, полагалъ: на приведеніе заключенія министерства внутреннихъ дѣлъ по настоящему дѣлу въ исполненіе испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе. Государь Императоръ въ 15-й день августа 1884 года на сіе Высочайше соизволилъ.

— „Новости“ по вопросу о направленіи сибирской желѣзной дороги передаютъ слѣдующее: „По вопросу о направленіи предполагаемой къ постройкѣ сибирской желѣзной дороги выработанъ теперь окончательный проектъ, представленный въ комитетъ министровъ. Въ проектѣ этомъ указывается на то, что самая короткая и дешевая, повидимому, линія— Самара-Уфа-Екатеринбургъ—является нецѣлесообразной, въ виду того, что въ пространствѣ, пересѣкаемомъ ею между Екатеринбургомъ и Уфой, при весьма рѣдкомъ населеніи (отъ 9 до 13 человекъ на кв. версту), нѣтъ почти никакихъ производительныхъ центровъ. Во-вторыхъ, линія Екатеринбург-Казань-Нижній имѣетъ протяженіе въ 1,244 версты, строительная стоимость которыхъ будетъ равняться 87,114,798 рублей, причѣмъ самую крупную статью строительнаго расхода по этой линіи представляетъ стоимость искусственныхъ сооружений, опредѣляемая въ 27.364,232 руб. (постройка четырехъ мостовъ по рѣкамъ: Окѣ, Волгѣ, Вяткѣ и Камѣ). Затѣмъ министерство путей сообщенія останавливается на мысли о постройкѣ дороги по направленію: Самара-Челябинскъ. Линія эта въ составѣ двухъ участковъ (Челябинскъ-Уфа протяженіемъ 480,5 версты и Самара-Уфа протяженіемъ 461 верста) имѣетъ большое общегосударственное значеніе, какъ звѣно сибирской магистральной линіи на территоріи Европейской Россіи, связующее границы производительной полосы Сибири не только со всей рельсовой сѣткою государства, но одновременно съ рѣкой Волгой. Постройкой линіи самара-челябинскаго направленія въ замѣну линіи изъ Екатеринбурга на Казань и Нижній-Новгородъ будетъ достигнуто сокращеніе линіи на 303 версты и будетъ устранена необходимость сооружения 4-хъ колоссальныхъ мостовъ, стоимостью равной примѣрно стоимости постройки желѣзной дороги болѣе 300 верстъ протяженія, причѣмъ въ общей строительной стоимости европейскаго участка сибирской магистральной линіи будетъ достигнута экономія около 30 мил. руб. Выработанный министерствомъ путей сообщенія проектъ предлагаетъ поэтому: а) утвержденное въ 1875 г. южное направленіе сибирской желѣзной дороги—отъ Нижняго на Казань и Екатеринбургъ—отмѣнить; б) утвердить къ постройкѣ первый участокъ сибирской магистральной линіи по направленію: отъ мѣста пересѣченія оренбургской желѣзной дороги рѣкою Кинель черезъ г. Златоустъ на Челябинскъ и в) утвердить къ постройкѣ линію желѣзной дороги по восточному склону Уральскаго хребта отъ одного изъ пунктовъ екатеринбурготоменской линіи на пересѣченіе съ участкомъ златоустъ-челябинскъ сибирской дороги“.

— „Гражданинъ“ передаетъ, что 12-го августа, во время пребыванія въ рошинскомъ дворцѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, было совѣщаніе четырехъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурора святѣйшаго синода для обсужде-

нія окончательно главныхъ пунктовъ разногласія по разсмотрѣнному въ общемъ собраніи государственнаго совѣта проекту университетскаго устава. Совѣщаніе это окончилось послѣ двухчасоваго обсужденія утвержденіемъ проекта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ мнѣніи, подписанномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ народнаго просвѣщенія, т. е. въ мнѣніи меньшинства“.

— По словамъ „Новаго Времени“, новый университетскій уставъ будетъ введенъ во всѣхъ русскихъ университетахъ съ 1-го сентября.

— 22 августа, какъ извѣстно, исполнилась годовщина со дня кончины Ивана Сергѣевича Тургенева. Почитатели покойнаго, какъ передаетъ „Новое Время“, собрались къ его могилѣ часовъ около двѣнадцати. Собранныхъ было немного: небольшая кучка изъ учащейся молодежи и нѣсколькихъ литераторовъ, въ томъ числѣ Григоровичъ, Полонскій и Краевскій. Одинъ изъ семи вѣнковъ былъ возложенъ на могилу отъ историко-филологическаго института.

— По словамъ „Новостей“, въ скоромъ времени въ Петербургъ прибудетъ депутація отъ архангельскаго городского общества и купечества, съ цѣлью ходатайствовать о проведеніи къ Архангельску желѣзной дороги.

— Корреспондентъ „Новостей“ сообщаетъ изъ Нижняго Новгорода въ телеграммѣ отъ 24 августа, что подъ предѣтельствомъ предѣдателя ярмарочнаго комитета П. В. Осипова состоялось засѣданіе представителей купечества для обсужденія и баллотировки вопроса о направленіи сибирской желѣзной дороги. Послѣ оживленныхъ и бурныхъ преній, большинствомъ 67 голосовъ противъ 20, избрано Нижній-Казань-Екатеринбургское направленіе. За Уфа-Челяба-Екатеринбургское направленіе подали голоса 5 человекъ, не подавали голосовъ ни за первое, ни за второе направленіе— 15 человекъ.

— Телеграмма, полученная 20-го сего августа изъ Владивостока отъ главнаго командира портовъ Восточнаго океана, контръ-адмирала Фельдгаузена, сообщаетъ: „17-го августа приведена во Владивостокъ лейтенантомъ Фортманъ конфискованная клиперомъ „Разбойникъ“ у береговъ Берингова пролива американская шхуна „Софія Джонсонъ“, занимавшаяся незаконною торговлей съ инородцами; главный грузъ—ромъ. Шхуна и грузъ принимаются на храненіе къ порту до дальнѣйшихъ распоряженій“.

— Недавно, со словъ „Варшавскаго Дневника“, газеты сообщили о поимкѣ Дегаева. Теперь „Гражданинъ“ заявляетъ, что извѣстіе это „одинъ изъ ложныхъ вымысловъ. Ничего подобнаго“ не произошло. По догадкамъ, Дегаевъ продолжаетъ находиться виѣ предѣловъ Европы“.

БИБЛОГРАФІЯ.

Polacy w Syberji przez Zygmuntа Librowicz. Kraków. 1884 г. (Поляки въ Сибири. Либровича. Краковъ. 1884 г.).

Сибирь, какъ извѣстно, страна глухая, куда образованіе только теперь начинаетъ проникать. Русскій колонистъ—переселенецъ вносилъ физическую силу, трудъ, но мало искусства, отъ чего этотъ край былъ всегда отсталымъ. Уголовные русскіе ссыльные ничего не вносили въ край, кромѣ порчи и преступленій. Ссылка часто заѣдала и способнаго человѣка. Ссылаемые, болѣею частію, въ качествѣ политическихъ преступниковъ, поляки стояли, конечно, на высшей ступени культуры, чѣмъ прочіе колонизаторы Сибири, а потому и не могли не оказать на жизнь этой страны довольно замѣтнаго вліянія. О культурной дѣятельности поляковъ въ Сибири можно найти весьма много фактовъ въ періодической печати. Г. Либровичъ тщательно собралъ всѣ эти разсѣянные по періодическимъ изданіямъ матеріалы и довольно искусно скомпоновалъ ихъ въ видѣ отдѣльнаго очерка. Соб-

ственно политической стороны дѣла авторъ совершенно не касается и не выходитъ изъ начертанныхъ имъ для себя рамокъ.

Начало заселенія Сибири поляками относится ко времени безконечныхъ войнъ Россіи съ Польшею, когда русское правительство имѣло обыкновеніесылать военно-плѣнныхъ на окраины государства. Изъ сосланныхъ въ этотъ періодъ поляковъ многіе не только вступали въ русскую службу, но и сдѣлали свои имена извѣстными въ исторіи завоеванія разныхъ частей Сибири.

Раздѣлъ Польши и послѣдовавшій затѣмъ въ разное время отдѣльныя вспышки, организація недовольныхъ обществъ давали Сибири вплоть до половины шестидесятыхъ годовъ очень обширный контингентъ ссыльныхъ поляковъ. Описаніе ихъ быта въ Сибири, различныхъ сторонъ дѣятельности, такъ или иначе отразившейся на культурномъ развитіи этого края, составляетъ наиболѣе существенную часть брошюры г. Либровича. Такъ поляки открывали школы, устраивали пансіоны для дѣтей, давали уроки въ частныхъ домахъ. Съ успѣхомъ также распространяли они новыя для Сибири отрасли обрабатывающей промышленности. Сюда нужно отнести мыловареніе, свѣчные заводы и заводы для выдѣлки постнаго масла изъ сибирскихъ кедровыхъ орѣховъ и т. д. Польскіе ремесленники устраивали разныя мастерскія. Не малое число ссыльныхъ поляковъ привлекло къ себѣ земледѣліе. Въ Ишимскомъ, на примѣръ, округѣ въ шестидесятыхъ годахъ въ рѣдкой деревнѣ можно было встрѣтить нѣсколько семействъ земледѣльцевъ-поляковъ.

Ссылныя поляки также оказали заслуги въ области литературы по описанію Сибири. Изъ ссыльныхъ шестидесятыхъ годовъ въ этомъ отношеніи пользуется наибольшою извѣстностью имя Дыбовскаго, собраннаго большія естественно-историческія коллекціи и, по возвращеніи изъ Сибири, занявшаго кафедру геологіи во львовскомъ университетѣ. Не меншею извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ пользуется и имя Александра Чекановскаго, впоследствии члена восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, императорскаго русскаго географическаго общества и парижскаго. Кромѣ этихъ лицъ, на примѣръ, Фелинская, Геллеръ, Черскій, Витковскій дали описанія разныхъ мѣстъ Сибири и помогали научнымъ изслѣдованіямъ страны. Образованные поляки содѣйствовали умственной жизни края и его самознанію гораздо болѣе, чѣмъ зазѣжкіе спекуляторы и навозные цивилизаторы, пріѣзжавшіе растлевать населеніе. Сибирь и ея жители поэтому всегда къ полякамъ относились терпимо, никакого антогонизма здѣсь не существовало. Добрая память останется въ душѣ сибиряковъ о тѣхъ, кто во время несчастія своего успѣлъ содѣйствовать ея культурѣ, развитію и былъ полонъ добрыхъ желаній къ ней.

1. Reconnoitring in Central Asia.

2. Region of the Eternel Fire.

Авторъ сочиненій—«Рекогносцировка въ Средней Азіи» и «Страна вѣчнаго огня» — англичанинъ Марвинъ. Въ первомъ трудѣ разсказывается объ изысканіяхъ, производившихся со времени Вамбери различными авантюристами и специалистами въ странѣ туркменъ и примыкающихъ областяхъ Персіи и ханствахъ. Въ книгѣ 15 главъ, и въ каждой изъ нихъ какой нибудь піонеръ является центральной фигурой, вокругъ которой сгруппированы болѣе мелкіе военные и политическіе сателлиты. Описаніе Марвина своего путешествія имѣетъ болѣе политическій, нежели научно-географическій характеръ. Тѣ, кому вздумается искать какихъ нибудь новыхъ свѣдѣній о «странѣ, расположенной между Россіей и Индіей», не найдутъ желаемаго въ книгѣ г. Марвина. За то любопытно встрѣтитъ въ ней политическіе взгляды на взаимныя отношенія Англии и Россіи.

Вообще эта иллюстрированная книга Марвина прочтется съ интересомъ, такъ какъ въ ней собрана масса свѣдѣній о дѣйствіяхъ англичанъ и русскихъ въ Средней Азіи.

Вторая книга Марвина «Страна вѣчнаго огня» занимается спеціально нефтяной промышленностью Россіи и знакомитъ подробно съ промышленною дѣятельностью братьевъ Нобель.

Свѣдѣнія о Кульджинскомъ районѣ за 1871—1877 годы, собранныя Н. Н. Пантусовымъ. Казань. 1881 г.

Напечатанныя въ этомъ выпускѣ статистическія таблицы и текстъ, описывающій состояніе Илійскаго края съ начала занятія его русскимъ оружіемъ по 1877 годъ, составлены въ началѣ 1877 года по официальнымъ даннымъ, извлеченнымъ изъ дѣлъ канцеляріи военнаго губернатора Семирѣченской области по кульджинскимъ дѣламъ. Книга эта содержитъ въ себѣ различныя свѣдѣнія о Кульджинскомъ районѣ. Такъ авторъ говоритъ о мотивахъ, почему была занята Илійская долина русскими войсками, и объ организаціи мѣстнаго управленія. Затѣмъ излагаются свѣдѣнія о пространствѣ края, о количествѣ населенія, его экономическомъ состояніи, промышленности, торговлѣ, о податяхъ и повинностяхъ населенія, объ общественномъ благоустройствѣ и нравственности населенія, о народномъ здравіи и просвѣщеніи. Въ послѣднихъ двухъ главахъ говорится объ отношеніи власти къ различнымъ религіямъ и народностямъ края и о дѣятельности административныхъ и судебныхъ учреждений въ краѣ.

Вторая половина книги (большая) состоитъ изъ статистическихъ таблицъ, заключающихъ въ себѣ разнообразныя и любопытныя свѣдѣнія о Кульдживскомъ районѣ.

Не имѣя возможности въ краткомъ отзывѣ о трудѣ г. Пантусова входить въ подробный разборъ этой работы, мы вообще должны сказать, что въ виду бѣдности нашей литературы о русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи это сочиненіе является очень цѣннымъ, благодаря полнотѣ и хорошей группировкѣ собранныхъ матеріаловъ.

Въ нашей статьѣ «Ипороческая школа и ташкентскіе руссификаторы» («Вост. Обзоръ» № 33) мы приводили, между прочимъ, свѣдѣнія о школахъ Кульджинскаго района, заимствованныя изъ книги г. Пантусова. Вообще, по мѣрѣ надобности, мы будемъ пользоваться этимъ почтеннымъ трудомъ.

Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—1881 г. 4-т. Спб. 1884. Сочиненіе Гродецова.

Это сочиненіе представляетъ спеціальныи интересъ для гг. военныхъ, такъ какъ въ немъ подробно описываются военныя дѣйствія въ странѣ Туркменъ М. Д. Скобелева въ теченіе 1880—1881 годовъ. Въ этомъ сочиненіи есть также немало, интересныхъ и для неспеціалистовъ, свѣдѣній по топографіи и этнографіи Туркменіи. Къ тексту книги присоединены рисунки мѣстностей, планы, портреты хановъ и также портреты Скобелева и г. Зиновьева, бывшаго во время компаніи посланникомъ въ Персію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИА

(къ 300-лѣтію СИБИРИ).

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

1882 г.

Цѣна 3 руб.

Подписчики «Восточнаго Обозрѣнія», выписывающіе эту книгу черезъ редакцію, пользуются уступкою 20%.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

САРТОВСКО-РУССКІЙ И РУССКО-САРТОВСКІЙ СЛОВАРЬ

СЪ ГРАММАТИКОЙ НАЛИВКИНА.

Цѣна 3 р. безъ пересылки.

Обращаться въ Казань къ завѣдывающему университетской типографіей Александру Титовичу Соловьеву.